

СМЕНА

№ 14 июль 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДЕСЯТЫЙ
ВСЕМИРНЫЙ

Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду БРЕЖНЕВУ

Дорогой товарищ Брежнев,

От имени Всемирной федерации демократической молодежи и миллионов прогрессивных молодых людей всего мира передаем наши горячие поздравления по случаю присуждения Вам международной Ленинской премии мира.

ВФДМ и вся демократическая молодежь мира знают и высоко ценят Вашу кипучую деятельность, которую Вы ведете в интересах социализма, коммунизма и прогресса всего человечества в деле укрепления мира и безопасности, взаимопонимания и дружбы между народами всего мира. Нам известна Ваша постоянная забота об интересах советской молодежи, которая участвует в строительстве коммунизма и оказывает

неоценимую поддержку молодежи всего мира, борющейся за счастливое будущее человечества. Мы, молодежь, не забудем Ваши слова, адресованные нам по случаю международной встречи трудящейся молодежи: «От молодежи семидесятых годов во многом зависит, каким будет мир к исходу нынешнего тысячелетия. На плечи молодежи ложится огромная ответственность за будущее человечества, ибо будущее принадлежит молодым, оно принадлежит трудовому народу».

Выражаем Вам нашу глубокую признательность за Вашу вдохновляющую поддержку борьбы прогрессивной молодежи всего мира, желаем Вам хорошего здоровья и успехов в работе на благо коммунизма и мира.

БЮРО ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Товарищу Л. И. БРЕЖНЕВУ

Дорогой Леонид Ильич!

От имени миллионов прогрессивных студентов всего мира мы горячо приветствуем Вас и от всего сердца поздравляем в связи с присуждением Вам международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Международное студенческое движение хорошо знает и высоко ценит Ваш личный вклад в борьбу за установление прочного мира и безопасности на земле и в укрепление солидарности Советского Союза со всеми народами, ставшими на путь борьбы против империализма, за независимое развитие, мир, демократию и социальный прогресс.

Проведенные Вами встречи на высшем уровне с руководителями государств, политических партий и движений в огромной степени способствовали ослаблению международной напряженности, улучшению взаимопонимания и сотрудничества между народами всего мира и народами Европы в частности. Мы пользуемся данной возможностью, чтобы пожелать Вам дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности, направленной на благо мира, дружбы между народами, на построение коммунизма в Советском Союзе.

С искренним уважением

СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА СТУДЕНТОВ

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕНИ ВРЕМЯ ДЕЛОВА

Геннадий ЯНАЕВ,
председатель КМО СССР

Пять лет отдаляют нас от последнего фестиваля. Размышляя об изменениях, происходящих в международном молодежном движении, я думаю, что самая главная, самая замечательная его особенность заключается в том, что оно заметно повзрело. Не по своему возрасту, но по зрелости требований, политической ориентации, умению разбираться в самых важных и порой самых запутанных проблемах постоянно изменяющегося мира.

Международное молодежное движение — явление сложное, многозначное и, разумеется, неоднородное по составу. Вполне естественно, что задачи, стоящие перед различными отрядами молодежи, не одинаковы.

Юноши и девушки социалистических стран энергично участвуют в строительстве социализма и коммунизма, в углублении процесса интеграции в рамках СЭВ, играют все более заметную роль в общественной жизни своих стран. За время после софийской встречи молодежных союзов и организаций еще более окрепли и возмужали. Напомним, что весной была создана федерация социалистических союзов польской молодежи. Значительно укрепили свои ряды и наши чехословацкие друзья.

Сложные и интересные задачи стоят перед молодым поколением развивающихся стран, борющихся против всех форм неокolonизма за свое социальное освобождение, за ликвидацию неграмотности. Все бо-

лее заметную роль в жизни своих стран играют Союз монгольской социалистической молодежи, ЖРДА в Ганнее, ЖФПН в Алжире, молодежные организации Сири, Ирака и других стран.

И, конечно же, весьма велики перемены, происходящие в капиталистических странах. От стихийных разрозненных выступлений и организованным формам борьбы — вот суть того, что отличает 1973 год от 1968-го.

Меняются идылы западной молодежи. Меняются ее идеалы.

В 1969 году я был в составе делегации ВЛКСМ в Италию. Мы побывали на заводах, в университетах. Пригласили нас и в Римский университет. Меня буквально поразила лекция, какая-то немислямая мешанина взглядов, позиций, лозунгов — от гоштинских и троцкистских до марксистско-ленинских.

Перед студентами выступал старец со скляротическим лицом. То был Герберт Марузе, утверждающий, как известно, что мы на нынешнем этапе истории акцент следует делать скорее на отрицании, чем на утверждении. Студенты восторженно внимали каждому его слову.

Через год я слышал, как обрушивался на популярного философа новый кумир западного студенчества, Дэнис Кон-Бендит, — его встречали на ура.

Прошло еще два-три года, и сегодня все реже вспоминают не только Марузе, но и Кон-Бендита, этого лидера французской левых-коммунистов, призывавшего к массовому дви-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 14 [1108]
НОЛБ
1973

НАША ОБЛОЖКА -
МОЛОДЕЖЬ ГДР ВСТРЕ-
ЧАЕТ ЮНОСТЬ ПЛАНЕ-
ТЫ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

РЕПОРТАЖ НАШИХ КОР-
РЕСПОНДЕНТОВ ЧИЛАНТЕ
НА 3, 6-7-й СТРАНИЦАХ

3

БЕРЛИН —
ГОРОД ФЕСТИВАЛЯ.

16

КРУГОЗОР СОВРЕМЕННОЙ
МАСТЕР.

22

Виктор ВИКТОРОВ.
ДЕСЯТЬ ЛИЦ
Николай АВИЛОВА.

28

МЫ ИЗ ПАЛАНЬ.
Репортаж о танцевальном
ансамбле «Мэнго»,
участнике Берлинского
фестиваля.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

АРКАЛЫК: КОМСОМОЛЬСКИЙ ГОРОД
В ТУРГАЙСКОЙ СТЕПИ

БОРИС ПОЛЕВОЙ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

ПОДВИГ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абаши, Г. П. Еликеев, А. П. Кулешов, А. А. Липанов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рощественский, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

женно без коммунистического руководства, без руководства рабочего класса.

Разумеется, идейное и нравственное движение молодежи в движении произошло не по наитию, не случайно и неожиданно. Этот процесс — следствие громадной организаторской и воспитательной работы коммунистических партий.

Сейчас, по прошествии лет, стало ясно, что бум молодежных выступлений, берущий начало в мае 1968 года, оказался неожиданным для многих политических сил. Но события той весны не только напугали обывателя, но и заставили задуматься о роли, которую призвана сыграть молодежь во второй половине нашего столетия. Самые бездумные скептики поняли, что их сыновья и дочери — вовсе не какое-то потерянное, отставшее поколение, погрязшее в материальном покое, которому нет дела до общества, в котором оно живет.

Разумеется, были и есть абсолютно равнодушные люди, но с таким же тревогою мира молодые люди, но, право же, не они определяют лицо поколения.

Ступая на XVI съезде комсомола, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил: «Мы являемся свидетелями бурного подъема молодежного движения в стране и за рубежом. Это важное явление углубления обихода кризиса капитализма. Молодежь не хочет мириться со строем эксплуатации, с кровавыми империалистскими войнами, с лицевыми выступлениями молодых рабочих, крестьян, студентов, мастеров и интеллигентных дух их действий становится следствием роста самым фактором политической борьбы в капиталистических странах».

Западный мир был потрясен, но быстро сорентировался, увидев, что молодежное движение не только не усилилось, а реально вялело, не считаясь с которым невозможно. Стало проследиматься весьма истинное положение: странная ситуация, когда Молодые старались убедить, что они феномен, не удающийся в строение рамки классового анализа общества. Именно тогда заговорили о некоем «третьем» классе, пытаясь огрызнуть молодежь от рабочего движения, увести ее в сторону от классовых схем, утащить в болото антимарксизма.

Борьба за молодежь достигла невиданной остроты, ибо известно, что будущее за тем, за кем идет молодежь.

На международном Советании коммунистических и рабочих партий 1969 года была намечена политическая работа по созданию принципиальные идейно-теоретические и организационные основы юношеского движения. Старшие, более опытные коммунисты и комсомольцы. Боле товарищи заботятся о формировании у молодежи марксистско-ленинского мировоззрения, о сочетании теоретической учебы юношей и девушек с активным участием в практической борьбе.

Коммунистические партии многих стран выработали специальные программы работы с молодежью, значительно укрепили свое влияние в среде трудовой молодежи и студенчества.

Укрепление эксплуатации трудящихся и обострение социальных противоречий в капиталистическом мире, последние научно-технической революции способствовали росту классового сознания молодежи, побуждали ее переставать бороться молодежи за экономические права в борьбу политическую. Одну из самых принципиальных задач коммунистической партии молодого поколения — это вступить в борьбу с

тем, что юноши и девушки, работающие на заводах, стройках, в сельском хозяйстве, в конторах, магазинах, банках, юноши и девушки, занятые в университетах, колледжах, высших школах — вступают в своей борьбе с трудящимися всех возрастов; именно потому у нас есть основания утверждать, что процесс борьбы с эксплуатацией молодежи стала неотъемлемой составной частью и активным резервом мирового революционно-освободительного движения.

Следующая отличительная черта современного молодежного движения — включение в активную политическую борьбу все новых слоев и групп молодежи. Скептики и идеалисты спускаются в массы, вступают в ряды вместе с бурными массовыми событиями политической давности. Но молодежь разных стран и разных континентов все более решительно заявляет о себе. Если в преддверии пятилетия из забастовок приняли участие 12 миллионов юношей и девушек, то сейчас эти забастовки охватывают уже 20 миллионов — вместе со старшими товарищами бастовали 32 миллиона молодых людей.

Следует бы обратить внимание и на то чрезвычайно важное обстоятельство, что в последние годы усилилась авангардная роль молодых коммунистов, работающих в разных странах, они становятся в центр, вокруг которого сплачиваются на антиимпериалистической основе различные отряды молодежи.

Говорить сейчас не только о численности роста коммунистических союзов молодежи, расширении их состава, но и о создании новых марксистско-ленинских партий и организаций в разных странах, в частности в Австрии, США, ФРГ.

И еще одна характерная черта, отличающая современное молодежное движение от движений прошлого — это псевдоревOLUTIONОННЫХ, левых элементов. Юношество проявляет растущий интерес к теории и практике строительства коммунистического социализма. Именно эти объясняют стремление зарубежных партнеров к максимальному расширению связей с коммунистическим движением. Только после XXIV съезда КПСС мы впервые пытались делегаций с разных концов света и столько же наших делегаций отправилось по приглашению молодых союзов и организаций всех пяти континентов.

Глубокие изменения, происходящие в международном молодежном движении, определяют и определяют процессы, что определяют сегодня картину нашего динамичного мира. Постановление апрельского (1973 года) пленума ЦК КПСС о развитии, что активная, инициативная международная политика КПСС, опирающаяся на могучую силу и авторитет ЦК КПСС, вступая в диалог, и подлинному всему народу, способствуя позитивным сдвигам в мировой обстановке. Разрядка напряженности, укрепление мира, встреч в верхах — все это соединяется с ростом влияния политического климата. Особенно важное значение имеют — исторические визиты Л. И. Брежнева в ФРГ, США, Францию. Сдвиги в мире, конечно, немаловажны. Сегодня существует объективная основа для дальнейшего развития благоприятных перемен, и международное движение молодежи может внести свой вклад в углубление этих процессов.

Нам не приходится напрягать память, чтобы припомнить те акции, что случались в последние годы. Молодое юношество, повысившее его роли в укреплении мира, в борьбе против империализма, социального неравенства, против антимарксизма и притеснения, эксплуатации, за права

молодежи. Все это происходило на наших глазах. С нашим участием. И Всемирная встреча молодежи в Ленинграде, посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина. И кампания «Борьба против антимарксизма», заключительный этап которой будет проходить в дни X Всемирного фестиваля. И встреча трудящихся молодежи в Москве, на которой были представлены 273 национальные молодежные организации и молодежные секции профсоюзов из 115 стран.

Нашему сплочению содействовала и общая борьба против агрессии в Индокитае, солидарность со сражающимися за свою независимость вьетнамцами (борьба ведется на строительном детской больницы имени Вуан Ван Чоа — всего лишь один штрих в этой всемирной кампании), и международные конференции молодежи и студентов в Хельсинки, Мюнхене, Флоренции, посвященные борьбе за безопасность и сотрудничество на мировом континенте, и, наконец, многочисленные встречи, встречи, лагеря друзей, двусторонние фестивали.

В чем явную в особенности X Всемирного фестиваля, чем будет отличаться от предшествующих всемирных встреч молодежи и студентов?

Думаю, что, не слишком рискуя ошибиться, можно уже сейчас, еще до начала фестиваля, подчеркнуть некоторые обстоятельства.

Во-первых, как уже говорилось, ни один предшествовавший форум юности не проходил в столь благоприятных международных условиях. Поверьте, пять лет назад были бы почти любые антикоммунистические программы действий, которые были выработаны на встречах во Флоренции или Хельсинки,—они, безусловно, прожорливо разрушили бы, изменили, характеры для последних лет.

Второе — ни один фестиваль не проводился по политическому, идеологическому и идеологическому спектру. Лозунг Десятого Всемирного — «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу» — дает возможность провести фестиваль на самой широкой основе. В Берлине встретятся молодые коммунисты, консерваторы, социаллисты, католики, демократы, поумеренные, но покажи ли, даже представители молодежных организаций пяти партий, как западноевропейской ЛДС: эти лидеры вынуждены считать себя демократами, а не идеологами на политической арене, с потеплением в отношениях между государствами с различным общественным строем — это прожорливо разрушит.

Хотел бы, однако, оговориться, что для нас не станут неожиданностью и какие-либо попытки проявления антифестивальных настроений. Мы хорошо знаем, что буржуазно-идеологический реализмизм всех мастей и оттенков, маюистские расколкины, трюки, которые пытаются использовать разрядка напряженности, в первую очередь из социалистических стран, их идеологической эрозии, для разоблачения коммунистической борьбы, работающей в различных политических условиях, для «деидеологизации международного молодежного движения».

Расширяя сотрудничество с молодежными организациями другой ориентации и идеологической ориентации в решении конкретных проблем, мы не должны забывать и о том, что мы боремся за права молодежи, мы помним, что некоторые представители правого крыла этих организаций остаются в стороне от коммунистической и антисоциальной борьбы за сохранение

свое влияние на молодежь. Но почему осуществление решений Берлинского Пленума требует от комсомола усиления классового революционного воспитания советской молодежи, усиления борьбы с антимарксизмом и реализмизмом идеологией. Мы за мирное существование, за широкое сотрудничество, за диалог полярных сил. Но в идеологии — борьбе компромисса нет и не может быть.

Третье. Десятый фестиваль будет наиболее насыщенным и глубоким по своему содержанию, по своему содержанию. Проблемы обеспечения прочного мира, антиимпериалистической солидарности, словесно реализованных отрядов международного молодежного движения, укрепление общих позиций, поддержка развивающихся стран — вот что, кажется мне, будет в центре работы фестиваля.

Энергично готовился к всемирной встрече юности молодежь практически всех стран, и в том числе, разумеется, и наша. Мы активно включились в подготовку к нему. Практическая подготовка к фестивалю затронула все комсомольские организации нашей страны, все студенческие коллективы, спортивные общества, клубы. Большую помощь молодым оказали производственные коллективы, профсоюзы и другие общественные организации, первичные общественные органы.

Всеозвонный фестиваль советской молодежи стал подлинным смотром достижений коммунистической организации, всей советской молодежи, помогая выявлять новые таланты, новые имена в труде, искусстве, спорте. В рамках фестиваля проводились трудные ваты конкурсы, выставки молодежи, художественные конкурсы и смотры, спортивные соревнования, выставки творчества молодежи, политическая учеба и организация мероприятий интернациональной солидарности.

Что ждем мы от Всемирного фестиваля? Конечно, я думаю, что фестиваль будет одним из шагов на пути к Всемирному конгрессу миролюбивых стран, который соберется в Москве осенью 1975 года. Мы верим в конструктивный характер предстоящей всемирной встречи юности. Верим, что эти девять жарких дней будут плодотворными в нашей борьбе с нашей юностью.

Мы уверены, что участники фестиваля будут охотно добровольно выполнять задания в своей стране, подберут ту линию разрядки между юностями напряженности, к которой склоняются сегодня все реалистически мыслящие силы.

В заключение, я думаю, что фестиваль будет одним из шагов на пути к Всемирному конгрессу миролюбивых стран, который соберется в Москве осенью 1975 года.

Мы верим в конструктивный характер предстоящей всемирной встречи юности. Верим, что эти девять жарких дней будут плодотворными в нашей борьбе с нашей юностью.

НАКАНУНЕ

Олег СПАССКИЙ, Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

ПОСЛЕДНИЕ РЕШИТИИ.

Знаки были знакомые, легко узнаваемые. Так пахнет в поздние сумерки нежаркими мясными вечерами где-нибудь на Оке около Каширы или на Сейме у Путиля. Песчаный берег и высоченные сосны, сизую, от реки, тает прохлада. Трещат сухие ветки, и искры летят высоко-высоко, закрывая полнеба, костер пышет жаром и освещает лица, кусты у реки, и только тот берег тонет в темноте.

Мы далеко от Оки, от Подмоскья.

Мы на берегу Шарье, на берлинских озерах.

В этот вечер заканчивается вторая поездка дружбы. Вторая предфестивальная поездка, в которой участвуют молодые люди из сорока шести стран.

И мы вспомним другой костер, в районе Торгау, на берегу Эльбы, в том самом месте, где весной сорок летого встретились советские и американские войска.

Но обо всем по порядку...

Из Москвы мы прилетели шестером. В нашей компании корреспонденты «Комсомольской правды», «Молодой коммунист», «Сельской молодежи», «Комсомольской жизни». И двое — из «Смены».

Потом мы разделились. Маршруты вели нас в разные округа.

«Смена» отправилась в Лейпциг. Вместе с нами два наших новых друга из Венгрии, двое — из Италии (один из них, Хозе Бозерман, представляет свою страну здесь, в Берлине, в Международном подготовительном комитете X Всемирного фестиваля), два перуанца и колумбийца.

Мы побывали в нескольких районах округа, на заводах, в университете, на стройках. Мы выступали в заводских цехах, где нас ждали десятки людей. И на Заксенплац — там собрался десятитысячный митинг солидарности, на Заксенплац,

где уставшие от времени дома, чьи обитатели, вполне возможно, слушали «Страсти по Матфею» Баха и проповеди Лютера, жвабо Баха и живого Лютера, соседствуют с нономодными фонтанами, плодами поиска наших склонных к модерну современников. Иногда мы приезжали в район все вместе, а иногда делились на подгруппы — в этих случаях москвичи ездили вместе с итальянцами, а Габи Пастор и Томас Борши из Венгерского коммунистического союза молодежи — с друзьями из Южной Америки. Было, однако, и так, что нас ждали сразу в четырех-пяти организациях, и тогда мы отправлялись на встречи по одному, по два.

Мы успевали везде, а если опаздывали, то на самую малость. И наш переводчик Фолькер Хемпель, коллега из издательства «Юнга вальт», приглашенный сейчас на год на работу в оргкомитет фестиваля, украдкой поглядывая на часы, спонкавал нас:

— Мы все успевем. Проблемы нет...

Есть проблемы, Фолькер, есть. Тогда, в Берлине и Лейпциге, их и вправду не было. А сейчас, увы, есть. Знал бы ты (впрочем, ты знаешь, сам пишешь), какая это чертовски сложная проблема — втиснуть в не слишком просторные рамки репортажа весь разнообразный калейдоскоп встреч, интервью, знакомств, споров. Рассказать, ничего по возможности не упустив, как готовится республика к X Всемирному.

Вторая поездка дружбы была инициативой фестивального оргкомитета ГДР и Центрального Совета ССНМ (Свободной ассоциации немецкой молодежи). Мы получили превосходную возможность познакомиться с подготовкой к фестивалю: программа поездки была продумана так, что гости увидели подготовительную работу, это необычайное по объему и многогранное явление, одновременно в нескольких срезах, на разных уровнях. К всемирной встрече готовятся не только Берлин,

Подготовительные комитеты работают во всех округах, в районах. Готовятся первичные организации. Готовится вся страна.

Первый секретарь ЦК СЕГГ, президент национального фестивального комитета ГДР Эрих Хорнер говорил в октябре прошлого года: «X Всемирный фестиваль молодежи и студентов является делом всей Германской Демократической Республики».

Мы убедились в этом.

РАЗГОВОР С ХОРСТОМ ШУМАНОМ

На всех маршрутах участники поездки встречались с первыми секретарями окружных партий. Согласиться, что нам повезло — с нами беседовал член ЦК СЕГГ первый секретарь Лейпцигского окружного, председатель окружного подготовительного комитета фестиваля товарищ Шуман, тот самый Хорст Шуман, который несколько лет возглавлял синембурую молодежь республике. Он не раз участвовал во всемирных фестивалях, и право же, трудно было удержаться от искушения попросить нашего собеседника припомнить фестиваль в Берлине в августе 1951 года, рассказать, отталкиваясь от обстановки тех давних лет, об изменениях, которые произошли в стране за два с лишним десятилетия.

— Берлин — город фестиваля, но фестиваль по-прежнему и в других городах. Наш округ примет пятьсот участников X Всемирного. Что мы им покажем? Выход Шюрршор. Лейпциг — это славные рабочие традиции, Лейпциг — это ленинская «Искра», это город Карла Либкнехта, Куртуа Цеткин, Эрнста Тельмана, Франца Меринга. Мы можем показать машиностроение, горнорудную и полиграфическую промышленность. И всю палитру легкой индустрии — от твиной и одежды до коньяка и ликеров. Может быть, самая главная достопримеча-

ОДИН ЧАС НАД БЕРЛИНОМ

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
корреспондент ТАСС в ГДР (специально для «Смены»);
Сергей НИКОЛАЕВ (фото)

Welfestspiele
der Jugend
und Studenten

Berlin 1973
Hauptstadt der DDR

На 365-метровом стержне нависая над лесом в 4 800 тонн, Гигантская игла уходит к небу с берлинской площади Александерплац. Около четырех лет назад, в день 25-летия ГДР, было закончено это уникальное сооружение — второе по высоте в Европе после Останкинской телебашни. Не посягая на права древнего городского герба с изображением меча, берлинская телебашня стала символом столичного социалистического германского государства, единственного города в мире, который уже во второй раз принимает у себя участников и гостей Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Вместу двумя берлинскими фестивалями — 22 года. Целая историческая эпоха спрессована на площади Александерплац, между телебашней и памятником работы известного немецкого скульптора Фрица Кремера «Меншица, разбирающая развалины». Сгустившейся вавилонской социалистической Германии возмещается над Берлином тонкая серебряная телегла. Монумент Фрица Кремера — напоминание о тридцати послевостановочных годах, когда над неустоявшимся широким улицами и площадями Берлина, вобравшими в себя только что расчищенные пустыри, звучала иллит-

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ПЛАКАТ.

ва III Всемирного Фестиваля в том, что никогда больше с немецкой землей не придет в мир война.

С двухсотметровой высоты смотровой площадки, которая ровно за час совершает оборот вокруг телебашни, «Меншица», разбирающая развалины, кажется совсем небольшой — словно в исторической перспективе. Но именно с этой сиреной и прекрасной работы немецкого архитектора стоит начать разговор о том, что можно увидеть сегодня с птичьего полета в Берлине, городе X Всемирного фестиваля.

За зелено-зеленой щетиной огромного парка, разбитого у подножия телебашни во время молодежных фестивалейных суботников, на острове меж двух рукавов Шпрее, виден строгий прямоугольный площади, носившей имена великих символов немецкого народа — Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Левая сторона площади Маркс-Энгельс-плац отмечена зданием Государственного совета ГДР, в современный фасад которого вмонтирован исторический портал в стиле барокко: это часть бывшего Берлинского дворца с балконом, откуда 9 ноября 1818 года, выступая перед народными массами, князь немецкого прелата Карл Либенкох провозгласил «свободную социалистическую республику Германии».

Маркс-Энгельс-плац — место первомайских демонстраций, национальных праздников ГДР и других всенародных торжеств республики.

Здесь начинается бульвар, ведущий и государственной границе с Западной Берлином, и Бранденбургские ворота, над навдвиги которых реет тридцатое знамя с гербом Республики немецких рабочих и крестьян. Угнет ден Лидене — «Под липами». Уже более двух столетий берлинцы гордятся этой улицей, как парадной — Елисейскими полями, а Ленинград — Исаевым проспектом. Весной, когда она сохранила одинственный дом, под колоннадой которого грустно стоял бронзовый сын Вильгельма Телля с обломом на голове. И все же воскресла знаменитая «Липочка». В годы социалистического строительства она получила современные «интерьеры» и уютные кафе, которые ждут сегодня делегатов фестивалей, новые здания посольств и антикварные магазины, бережно восстановленные музейные хранилища. Вновь шумят липы на улице «Под липами». По специальному «статусу» Лидене ни одно строение здесь не может превышать 22 метров, дабы не нарушить архитектурную гармонию Бульвара.

«ГДР, Берлин, Угнет ден Лидене, университет имени Гумбольдта» — этот адрес известен во всем мире. В дни фестивалей в университетских аудиториях состоится студенческий форум и семинары, завершатся всемирная кампания ВФД «Юность объединит империализма».

Медленно вращается смотровая ве-

У ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА И МИЛитарИЗМА.

Говоря о фестивале в Берлине, нельзя не сказать о Иппенлине, причём всего потому, что район этот — самый крупный по площади и количеству населения, по концентрации промышленности и уровню жилищно-строительству. Именно здесь находится трансформаторный завод имени Карла Либкнехта (сокращённо — ТРО), где началось всесоюзное соревнование молодых рабочих на честь фестиваля. С логотипом журналистов из молодёжной газеты «Юнг» велит фестиваль в лагерь заводской организации (СЭИ) полуживое весело провозит «троянцы» за свой почин, продаваемые «наиблизу» по всей ГДР.

Но Иппенлине — это и чудом сохранившиеся средневековые улицы Ремесленников, и бесконечные озера, называемые на ленту Шпрее, и острова, где рядом с трамвайной линией помещаются на волнах рыбачьи лодки и спортивные яхты. Иппенлине — это традиционный фестиваль в середине лета, когда на тротуарах шумит наваленный толпа в одежде начала нашего века, а по мостовой несут старинные пролетки и ландо. Кульминация Иппенлинского лета бывает приезд из Берлина немалого количества прусской официальной формы — «налётки» из Иппенлине.

от иррегулярного в Берлине универмага «Центрум» и серебристого купола «Зала Конгрессов», от опоясанного красочной мозаикой 12-этажного Дома учителя и высотных Дома путешествий и Дома электротехнической науки, уходит «вперёд социалистическая Улица Берлина». Она, как и новый «Алекс», не существовала 23 года назад, а сегодня Карл-Маркс-аллея с её широкими зелеными террасами и современной архитектурой геометрической заливки — любимое место народных гуляний и массовых праздничных концертов. Это магистраль, где в отеле «Беролина» и иррегулярном в республике миниатюре «Интернациональ» располагается служба молодёжного пресс-центра, тоже ставшая одним из главных пунктов в фестивальной топографии города.

Разумеется, топография эта не ограничивается лишь центральной частью Берлина. Все восемь районов города геттоятся и принимают фестивали — Третьего и Фридрихсхайн с их огромными парками и величественными мемуриальными в память лавших советских солдат и немецких революционеров, Лихтенберг с мощными транспортными артериями. Иппенлине с его усекаемыми прошлым и интереснейшим настоящим...

Об этом районе города стоит рассказать подробнее, хотя с телевизионной башни на «Алекс» можно увидеть разве что тонкий шпиль красной ратуши в Иппенлине, да и то лишь в ясную погоду: скрывается расстояние в полтора десятка километров.

ранца на телебашне. Вдоль старинного канала Кундферграбен — рощица, которую называют Каптановыми лесами. Здесь стоит дом, над инакчесением которого укреплены эмблема из двух флагов — алого с серпом молотом и трехцветный дом.

Общественно-германско-советской дружины. В дни фестиваля он становится как бы штабом советской делегации, местом множества встреч, концертов, вечеров дружбы.

На самом краю столицы ГДР, там, где в 1961 году берлинскими рабочими был сооружен антифашистский защитный вал, находится большой стадион, известный и участником III Всемирного фестиваля: он был сооружён ещё в 1956 году и Всемирному слету Союза свободной немецкой молодёжи, а в этом году, во время фестивальных суботников, его значительно расширили и модернизировали. На стадионе Молодёжи мира и начнется Десятый всемирный.

Застененное только на телебашне совершенно уже почти поанной оборот. Вновь вступил Александрплац — «Алекс», как называют эту площадь любители берлинцев. А рядом, рудой подат, голубой брус 39-этажного отеля «Штадт Берлин», который развешивает в своих 743 номерах многих делегатов фестиваля.

Отсюда, от широкой пешеходной зоны с узорчатой фонтаном и уникальным поучителем «Всемирные часы»,

СРЕДНИЕ ВЕКА (ЦЕРКОВЬ МАРИЕНКИРХЕ НА АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ)... И ВЕСЬ НЫНЕШНИЙ (ОТЕЛЬ «ШТАДТ БЕРЛИН» НА ТОМ ЖЕ «АЛЕКСЕ»).

В 1906 году в Иппенлинской ратуше появился офицер ко взводу солдат, арестовал бургомистра, долго искал наукою пытать и, не найдя её, забрал под расписку городскую массу. Числовыми столпами навстречу герцогу офицерской формой, купленной... в лавке потугавшимся старушечки.

Весь мир хохотал до слез над этой нелепой историей, герцогу которой оказался заложником. Вильгельм Фогт, кому нудило был лишь вид на мителетис в Берлине.

Роль «налётки» из Иппенлине во время фестиваля на Карл-Маркс-аллея, когда исполняют артисты берлинских театров, а во время визита «налётки» в ратушу бургомистр ронкает гостю о жизни района, об успехах трудящихся (в изуродованном, в том же танку сообщении) о подготовке Иппенлине и Всемирному фестивалю: оною 20 тысяч жителей района предоставили свои квартиры для размещения обладателей «Золотого билета» в Берлине.

Старый и новый Иппенлине — на одном из самых видных мест в фестивальной офисе столицы ГДР, омывающей и себе послыщая всех мемуриальников.

Со стр. 3.

НАКАНУНЕ

чательность города — наша знаменитая армарка! А может, другое — то, что каждый пятый студент ГДР учится в Лейпциге? Или, что еще более важно, наша промышленность — самая наглядная иллюстрация к теме «Социалистическая интеграция в действительность».

Я не ужою от ответа на вопрос. Но если речь идет о том, что произошло за двадцать два года, отделяющие нас от первого фестиваля, можно ли не говорить об укреплении, стремительном развитии первого немецкого — социалистического государства? Сегодня ГДР входит в десятку ведущих промышленных держав мира. Братский союз с социалистическими странами, встававшийся СССР, придает нам силы и уверенность. Сегодня свыше восьмидесяти государств признали ГДР, и в этом один из результатов ленинской политики мира, проводимой Коммунистической партией Советского Союза и лично товарищем Брежневым.

На фестиваль придут молодые люди, которым в пятьдесят первом было от роду несколько лет, а то и месяцев. Им трудно будет поверить, что

Берлин лежал тогда в развалинах. В те августовские дни я сопровождал группу из ФРГ, и нам пришлось спать на чердаке, на соломе. Слово «голод» мы слышали так же часто, как сегодня слова «производительность труда». Плохо было не только с питанием. И с одеждой, обувью — тоже. Отлично помню, что накануне фестиваля я получил первый костюм.

Наверное, далеким кажется это время, но мы никогда не забудем те дни, не забудем своих новых товарищей, певших: «Томини гроют метала...» Они и вправду помнили, ибо видели все ужасы войны. Сегодня большинство участников фестиваля знают о войне только по рассказам старших, по книгам и кинофильмам. Мир стал более надежным и, может быть, в какой-то степени и потому, что тогда, в конце сороковых и начале пятидесятых, мы собирались на первые всемирные фестивали, полагались не допустить повторения мировой войны...

«ЗОЛОТОЙ БИЛЕТ» В БЕРЛИН

Столица ГДР примет в дни фестиваля не только двадцать тысяч гостей из-за рубежа. В Берлин — двумя волнами — придут триста тысяч юношей и девушек из всех округов республик. «Золотой билет» заслужили те, кто лучше всех

СБОР ИДЕТ В ФОНД ФЕСТИВАЛЯ.

работал в дни подготовки и всемирной встречи, чей вклад в успех X фестиваля был особенно велик.

Наши друзья из ССНМ сумели использовать подготовку к фестивалю для оживления всей работы союза. При этом главное внимание было обращено на первичные организации. Эрик Рау, руководитель фестивального оргкомитета ГДР, встречается с советскими журналистами, вспоминает несколько цифр. В последние месяцы в ряды ССНМ было принято 120 тысяч юношей и девушек. Миллион самыхсот тысяч членов союза имели личные фестивальные обязательства, добавить к этому, что девяносто четыре процента немецких комсомольцев прошли личные собеседования, во время которых каждый получил персональное задание на время подготовки к фестивалю. Восемьсот тысяч молодых людей занимались в кружках, изучая историю молодежного движения и всемирных фестивалей.

В начале мая уже было подготовлено восемьдесят пять тысяч мест, где смогут разместиться те, кто получит «Золотой билет» в Берлин.

Когда мы выступили на Заксенплац, мы знали, что на встрече пришли счастливые обладатели «Золотого билета».

Кто же они?

Дауж вы видите на страницах журнала. Оба из

ДИТЕР ЛАБУДАЕ.

Лейпциге, с одного сталелитейного завода ГИЗАГ. Девушку с огромными веселыми глазами зовут Петра Альбер (пожалуй, ошиблась Чарльз Перси Сноу, писавший, что Большая вода чаще всего несут отточен печали), она работает в заводской формовке «Формовщик» и принимала самое энергичное участие в подготовке фестиваля. А рядом — Дитер Лабуде, лейтечик: он едет в Берлин в первой волне.

Мы попросили его рассказать о личных фестивальных обязательствах. Дитер достал голубую книжечку, и Фолькер быстро перевел: «1. Высокоспециальная работа; 2. Принять участие в суб-ботнике; 3. Оформлять цеховую стеногазету; 4. Подготовить новых членов ССНМ».

Мы встретились в нас обеда в заводской столовой, в углу просторного зала, где никто не мешал, и мы, кажется, тоже никому не мешали.

Его не назывешь счастливым человеком. Сейчас Дитеру двадцать четыре года, и он не один: жена Юта — танкист, дочери три года. А давным-давно ему не к кому было принадлежать: мальчик был всего два года, когда мать уехала в ФРГ. Дитеру рано пришлось идти работать — после восьмого класса. Начинал переводчиком на заводе имени С. М. Ковалев здесь же, в Лейпциге. С пятинадцати лет в ССНМ. Потом три года учился в профтехучилище, стал квалифицированным рабочим — государство помогло подняться на ноги.

Сейчас Дитер решил учиться дальше — он занимается в вечерней школе при заводе.

Дитер Лабуде комментирует свои фестивальные обязательства:

— На личном собеседовании — со мной встретился Хорст Энгель, первый секретарь заводского комитета ССНМ, и начальник участка Ганс Крошневский — меня попросили максимально использовать мой опыт, опекать менее опытных в нашем деле товарищей: нас в бригаде четырнадцать. Поработали мы неплохо. У нас дали 94 тонны металла сверх плана. Вы знаете, я не говорю, не люблю выступать, привыкаться в дискуссии, тем более когда много народа: например, это понятие — ведь у каждого свой темперамент. Вот я и взялся выпускать стеногазету, это, мне кажется, проще. Пять номеров уже вышли. И с последним пунктом обязательств я справился. Три парня с нашего участка вступили в ССНМ. Нет, я не агитировал. Это не по мне. Просто старался быть с ними радом. Приглашал их, если у нас намечалось что-то любительное. В Дрездене, например, на седьмой выставке они тоже были с нами. Сами, без агитации увидели, что в ССНМ интересно.

И еще один пункт. Там, где я писал о субботнике. Работал, как и все. И не по одному, а в трое. И в цехе и в детской школе...

В немецком языке появилось новое слово — «субботник». Оно так и звучит — по-русски. Не знаю немецкого, его узнавали сразу. Тем более что вспоминали это слово на двоих, но раз — в фестивальном плане завода ГИЗАГ была цифра — 60 тысяч марок. Но уж и 15 затрат в фонд фестиваля было перечислено 75 тысяч марок.

На заводе восемь тысяч рабочих. В двадцать два с половиной группах пяти классов — семьдесят ССНМ. Десять молодежных бригад, участков и цехов.

В фонд помощи Вьетнам, на строительство детской больницы имени Нгуен Ван Чою молодые рабочие, инженеры, техники отдали один процент годовой премии. Но узы солидарности, братского

сотрудничества связывают коллектив ГИЗАГа со многими странами. Различные сорта стали, машины для производства литья, заготовки для автомобильных кузов — в рамках СЗВА — в социалистическое государство, с его главной экономической партнер сталелитейщиков — Советский Союз.

В заводском комитете ССНМ нам рассказали, что подготовка к фестивалю стала громадным импульсом, давшим новую тонкую энергию и инициативе ребят. Четыреста пятьдесят членов ССНМ занимались в этом году в кружках «Молодые социалисты». Огромный интерес вызывает движение, символом которого стали три буквы «МММ» — ярмарка мастеров будущего — родная сестра нашего ТПМ, технического творчества молодежи, и атакует эти ярмарки в свою орбиту едва ли не все молодые люди, занятые в производстве. И еще — это тоже важно сегодня для глубинки — пятьдесят четыре парня, ждущих призыва в армию, заявили о желании служить сверхсроком.

Снеблужая армия ГИЗАГа на подходе. Ребята рассчитывают получить одно из 50 Почетных знамен с портретом Эрнста Тельмана, которые ЦК СЕПТ упродом для награждения первичных организаций ССНМ за лучшие трудовые заслуги и соревнования в честь X Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

«Машина времени» нам не потребовалась. Мы и так сумели опередить время. Не три месяца. В конце апреля и начале мая мы побывали там, где будут делегаты фестиваля в конце июля и начале августа.

Мы были в «Антиимпериалистическом центре» и на площади около университета имени Гумбольда — там будет проходить заключительный этап кампании «Юность обличает империализм», где в числе других приглашены выступить и Во Тин Линь, единственная оставшаяся в живых девочка из вьетнамской деревни Сонгми, ставшей таким же символом преступлений империализма, как Катлин, Лидия или Гермина.

Мы были и на старом Молодежном митинге, и у Международного центра, расположенного у подножия телебашни, где будет организован «Базаар солидарности», на Маркс-Энгельс-плацу, где будет проходить громадный заключительный митинг. Мы видели памятник жертвам фашизма и милитаризма, где горит вечный огонь (в августе 1951-го его еще не было), и Бранденбургские ворота на Уитер ден Линде, через которых маршировали партизаны, партизаны и которые стали теперь воротами мира. Мы побывали на строительстве химического комбината в Лейпциге, молодежь которого будет принимать советскую и дружескую делегацию, и в топографии ленинской «Искры», где участники фестиваля смогут, как и мы, самостоятельно отыскать на старинной печатной машине оттиск первой полосы первого номера газеты.

Мы даже получили — на зависть филателистам — первые, очевидно, пробные фестивальные конверты с тиснением эмблемы фестиваля, двумя марками и специальными гашетками.

Мы услышали выступления многих музыкальных ансамблей.

Конечно, фестиваль — это прежде всего конференции, дискуссии, митинги солидарности, определение общих задач, антиимпериалистической борьбы, семинары, встречи по интересам, обсуждение наиболее интересного опыта работы и борьбы. Но фестиваль — это еще и широкая культурная и спортивная программа, которую, если кто-то пожелает посетить все мероприятия культурной программы, то ему потребуется три месяца.

Наш спутник из Колумбии сказал на встрече в Торгау, когда мы слушали выступления ансамбля политической песни:

— У нас говорят: кто любит петь, тот ценит жизнь. Кто ценит жизнь, тот ценит мир...

ВСТРЕЧА НА ЗЭЛЬБЕ

Горит костер, нежданный, как-то сразу, вдруг нагрянувший новость откуда ливень отшумел и улялся, мы сохнем у костра, и вспоминаются рассказы старших людей. Как здесь, в равнине Торгау, в поместье Эльба, когда волею судьбы одурачивающе пахла земля, в сорок лютло встретились союзные войска, разгромившие фашизм — советские и американские солдаты. И вот сейчас апрель. То же поместье Эльбы. И весна. И весна. И с заметным акцентом девочки и мальчики поют о своих сверстниках, плывущих по другой, далекой реке: «Настроень утренней реке, по Ангаре, по Ангаре».

В сущности, все очень просто. Фестивали для того и проводятся, чтобы песня не обрывалась.

ПЕТРА АЛЬБЕР.

СТУДЕНТ

Ежи ГЖИМОВСКИ (Польша)

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Анджей записался в техникум. Уговаривал Бронка и Збышка. Но у нас не хватало смеюности. Столько лет мы не имели ничего общего с наукой! Меня озноб пробирал, как только я думал о математике. Вот и пошел Анджей один, на вечерний.

Однако в глубине души мы завидовали его отаго и упорству, а в глаза, при встречах, посмеивались над ним и называли нас без исключения «студент». Мы задавали ему остроумные, казалось нам, вопросы: учится ли он пению и закону божьему, например...

В складчину собирали ему на ренед и обушку. Поклялись, что если ученик Анджей будет приносить хорошие отметки, то купим ему коньяк и варенье на шнурках. Куча здоровых, взрослых парней, а валли дуряка, как школяры.

Анджей был характера спокойного и выслушивал все наши неумные шутки молча, только улыбался.

Наверное, этой его святой, истовой жаждо учиться мы и завидовали. А давляло Анджею учение тяжко. Парень был не первой молодости, за школьной партой сидел чуть ли не достя лет назад. И вот приходилось ему листать свои тетрадки и учебники даже по дороге на завод, в автобус.

Однажды припод Анджей на работу как с воду опущенный и говорит нам, что бросает все науки, потому что не может с ними справиться. Вскра сватки «спару». И, холера ясна, именно по этой математике!

— Учиться целый год и потом не сдать... Слишком дорого это учение обойдется... — бормотал Анджей соружено, опустив голову. Ух, как нам досадно вдруг стало! Будто мы что-то теряли. Будто мы сами ходили каждый день в эту школу. И, главное, парень так хотел учиться и так был теперь расстроен! Как ему помочь! Ну, ладно, кое-какие предметы мы все же помини хоть немного, а математика!

Пустой номер! Что говорить об уравнениях и интегралах, когда кое-кто из нас уже и процентов не помини. Анджей, однако, хотя и сказал нам, что бросает науку, не отказался от занятий. Каждую свободную минуту, за завтраком, обедом ли, все листал свои тетрадки и конспекты...

И так как-то все это и началось. Кто-то из нас однажды за завтраком сказал ему:

— Да ты не волнуйся так. Почуись еще. Спешной работы у нас сейчас нет... Конечно, иногда спешная работа была, но мы говорили Анджею: да ты занимайся там своей математикой, все спокойно, не так уж тут дел много, сами доделаем.

Помогали парню как могли, хороший он был товарищ, да и возраст уже солидный, можно сказать, последняя попытка... Остерегались мы только бригадира Казно, чтобы он не накрыл Анджея за тетрадками в рабочей яромке. Мы спокойно проиние листать. Мы уговаривали Анджея работать только тогда, когда окопо находился наш Казно.

Анджей смущался, сердился, рвался работать вровень с нами, а потом начал сидеть над своими уравнениями, и нам хором приходилось разьяснить ему как пальцать, что мы ему благодарствуем только до тех пор, пока он не подтянется по математике, пока не получит свой законный троик; и вот тогда уж пусть за нас за всех потеует.

Были мы тогда дружными, как никогда, никто не ссорился, но занудничал. Каждый день мы интересовались:

— По математике как дела?

— А когда Анджей сказал, что будет испытательная контрольная, мы онемели. — Ну, как ты себя чувствуешь, Анджей! Справишься? — нет-нет да и спрашивал кто-нибудь у Анджея, будто между прочим.

— Не знаю... отвечал он подалвонно, видя наше волнение. — В голову никак формулы не записывают...

— Не горюй, — опять-таки бодро говорили мы и старались объяснить ему все «наукою». — Столько лет мозг твой другим занят был! Теперь ему тяжело поверот на что-то всеяднее градусе делать, а вот как двинется, как раскочеряется, ты эти задачки, как орехи, целцать будешь.

Анджей в ответ только головой кивал. Ждали мы всей бригадой этой контрольной с не меньшим трепетом, чем сам ученик. Ждали.

И вот настал этот день. Призватили его еще в раздевалке и сразу: «Ну как?»

— Бледно. Только одну и решил... Да и то, наверное, неправильно... На Анджея было больно смотреть, такой он был расстроенный.

Да-а, плохо... — прогудел Томек, оставшие молчали. Работалось нам в тот день названо. В переерие собрались перекурить, пообщаться без Анджея.

Збышко, не глядя ни на кого, сказал:

— Если бы кто-нибудь ему помогал, хотя бы перед самой контрольной подтанцевал на решении задачи, он бы справился... Я уверен.

— За квалифицированную помощь надо крепко платить,— заявил самый притянутый из нас, Бронек.

— Это ясно,— проткнуло несколько голосов.

А Томек вскинулся:

— Откуда он возьмет!!

— Тоже верно.

На этом наше «совещание» закончилось.

Во время работы все мы переглядывались и поглядывали на Анджку, но так, чтобы он не видел. А он не хотел, видно, пользоваться нашим творческим упущением и грохотал молотком, как одержимый.

— Еще две такти контрольные, и я побит окончательно,— невесело острил Анджка.

— Ну что ты,— боремся мы, хотя понимаем, что так может быть.

— Что за шантаж!— горделиво Тадеуш.— Они же должны так понимать, что к ним приходят не шенчики, которые вчера за парты сидели... Должны быть какие-то услуги или нет!!

В программе есть программа, понимаешь, Тадек,— пытался охладить его Анджка.

— Дурацкая была эта программа!— Температурный Тадек так разошелся, что готов был нам сейчас же доказать, что ко-кто-то там занимается саботажом...

— Однако мы не деле ему много болтать, надо было действовать.

Я тут вспомнил, что мой двоюродный брат учится в институте физикультуры, а иногда студенты не прочь заработать пару грошей на табачок для кузубу. Как только я сказал об этом ребятам, они тут же направили меня к технику-студенту парикмахером. Единственным неудобством было то, что никто не знал, насколько человек, изучающий гимнастику, сможет иметь понятие о математике... Аттестат зрелости, однако, кузен мой имел.

Ну, пошел я к нему на поклон, как к академику. Братец мой принял меня хорошо, выслушал внимательно и сказал, что никогда бы не отказался помочь нашему товарищу, но вот сейчас занят по горло всякими занятиями, сессиями, коллоквиумами и... пос его знает чем еще.

Я деликатно-деликатно сказал ему: что, конечно, мол, мы не имеем права навязывать занятию человеку наши дела и заботы...

Вот тогда мы все и навалились учиться. Вистек, список. Общим усилием расправлялись мы с любимыми заданиями. При этом ругались мы и клокотали, как же черти в аду.

Вот так, Анджка вот и присягал, что учиться больше не пойдет, однако закончил зверски, и снова приходилось пользоваться нашим старфом упущения.

Но тут накрыл нас Казно.

— Не скажешь ли мне панове, что тут еще за холера ясна!— величаво, но очень громко сказал он, оставившись над Анджкой, который, спротивившись за кулис огромных металлических чух, склонился над своими конспектами.

Мы все на мгновение будто умерли. Первыми ожили Тадеуш и Фелек и стали оправдываться невесте чех...

— Не сердись... Тут у Анджки завтра урок-контрольная по этой самой математике... Он хотел повторить!

— Контрольная, контрольная... Все время контрольная,— говорил, не слушая их, бригадир.— Что там у тебяби!— вдруг спросил он Анджку и чуть не вырвал из его рук тетрадь с лабораториями.

Пораздавая ее, как коза афишу, и вернул Анджко со вздохом.

— Ничего не помню. Все наука из головы вывернулась.

Мы стояли рядом и не имели понятия, чего ждать от Кези на этот раз. Оказалось, ничего. Он не оставил Анджку вернуться на рабочее место, но и не запретил заниматься с Ушеи в свое контору и не показывал до конца сны.

При распределении премий ни звука против нашего студента не произнес.

И наконец-то за контрольную Анджку получил тролей Мы радовались уж томо болше, чем школьники, и так хлопали студента по спине, что он аж сгибался.

— Видишь Справедли! А ты уходишь сбормас!— орали мы.

Настала очередь русского языка. С ним больших проблем не было. Мигал, самый старший из нас, знал русский не хуже польского и был отменным репетитором. Своим мы все болко болтали по-русски... Сдам. Правда, профессор, преподаватель русского языка, удалил две следующие абзацы: за знание разговорного языка—четыре, за грамматику—два, это—тройка.

Мигал, как репетитор, был довольно оценкой, но все-таки заметил, что с родной-то он грамматикой не оменя в лолах, а тут иностранная. Тем более, что русский он изучал не где-нибудь, а на войне, в рядах Красной Армии, и там, просил прощения, его, естественно, учили не грамматике.

Мы оба обиделись с ним до слез. Как-то студент, который писал двойку, мы знали, что получена ее, мы и мужко отгорчались каждый раз, а когда он эту двойку исправлял, мы бесились от радости.

Вникнуть в эту историю—так же зам по поводу! Почему студентов, настоящих студентов, приходящих к нам на работу, на практику, мы уважали, но не очень любили, а тут, видите ли, с ума сошли по «своему» студенту! Не знаю...

И когда наконец он прине свидетельство о переводе на второй курс, мы были счастливы, как котата.

Перевела с польского Мария КЕЛАРЕВА.

Билл НОТЭН (Англия)

РАССКАЗ

Мне было шестнадцать лет. Однажды, дожидаясь бумажным утром, я надел свой старенький выходной костюм и отправился в Болтон, на улицу Монкраф, чтоб поступить матросом в военный флот. Уходя, я поцеловал плачущую мать, но ее слезы вдруг так меня расстроили, что, идя по улице в толпе рабочих, спешивших попасть на текстильные фабрики до гудка первой смен, я в семь сорок пять, и все стараясь, и не мог,— проглотить застрявший в горле ком.

Когда я явился на вербовочный пункт, седой офицер в синей шинели выписал мне бесплатный билет до Манчестера, где работала военная медицинская комиссия. Всего нас собралось там девять человек, и остальные парни были старше, чем я. Но серых врачей сразу забраковали, и они ушли, и нас осталось двое. Я думаю, что комиссия меня пропустила, но один врач все слушая мое сердце. Я здорово нервничал, и оно колотилось очень сильно. Наконец врач посмотрел на меня и сказал:

— Приходи, сынок, через год, когда станешь полнокобойей.

Меня забраковали, и мне было стыдно. Что я скажу теперь своим друзьям! Я погулял в воскресенье по парку, но не решился куда-нибудь зайти и попеть (до этого я был в кафе только раз— на поминках). И тогда, почувствовав себя совсем несчастным, я уехал домой.

И работы у меня теперь тоже не было: перед отъездом я ушел из придальной мастерской. Никто же новую работу было трудно: текстильные фабрики сокращали производство. Но один наш парень—это звали Томми Чидд—надоумил меня, к кому обратиться.

Поехав к Абрахаму Хитову,—сказал он,—на фабрику по химической обработке шерсти. Она черт те где! Работа там есть: они тебе заплатят и заставят работать день и ночь напролет. Только не говори им, что ты католик: Хитов—методист и их методов не одобряет.

Я поехал туда и не сказал, что я католик,—ничего я им не сказал, и они меня взяли. Работа на фабрике была сменная, и первая смена заступала в шесть, и назавтра я должен был выйти в утро. Я чувствовал себя извращенным и несчастным. Никто из моих знакомых там не работал, и мне казалось, что я начинаю новую жизнь.

На другой день я встал в полшестого и в шестом часу уже выхожу из дому. Мама подговорила меня на прощание и немного исплачула. Я люб-

лю темные, предрассветные ушасы. В это время прохожих почти что нет, а главное, еще spät девичьи-текстильщицы, а то, бываешь, ты идешь одиночно на работу, а они вдруг начинают прямо в лицо тебе хихикать,—сущее наказание с этими девчонками!

В отроном красавце-проптомом поше с высоким, терпимым в пене паре пар потолом и Анджка чуть сарказмом бетонным поком стало совсем ромиковой машин, в которые загружают оцененную пряжу, и она, проптившись растормозе каустика, автоматически, на ромках, отжимается и вытвигается, превращаясь в мерсеризованную, или попросту фидалькосую.

Мне надо было научиться управлять такой машинкой, наступать, мотки высушенной пряжи, аккуратно загружать их в особый ковш, подводящий подготовленные мотки на машинку, и снимать с ролликов мерсеризованную пряжу. Мастер цеха Эльзберг, по кличке «Нуад», был спокойным человеком лет под пятьдесят: с доброй улыбкой и синими глазами.

Наша работа всегда над ним потешалась. Не то чтобы в глаза, но так, что он слышал. Они настально заводили похабные разговоры—просто чтоб посмотреть как он качает головой. Во время перерыва—единственного за смену, он давался с полминуты дождитого до девяти—мы с обидчивым синим-мим рабоче ботинки и давали ногам немного отдохнуть, потому что у большинства работ-машинистов была разъяренная кожа на пальцах: калачи каустика проскакивали даже сквозь ботинки. И вот мы обрывали пальцы халатов и оборачивали ноги, чтоб зашить их от каустика. Поэтому к девяти, когда кончался перерыв, мы не успевали убраться с завтраком. В четверть десятого появлялся Эльзберг, вынимал часы, смотрел на них и спрашивал:

— А в какой час вы начали завтракать, ребята?

Он привнес нам брезент, чтоб обмывать ноги, нередко помогал наладить машинки. Он вообще старался облегчить нашу жизнь. Иногда шел за два до конца смены он спрашивал, не хотим ли мы поработать вечером. Желательно работали до десяти часов. Зато они давали даровой обед, даровой ужин и платили сверхурочные. И ребята никогда не отказывались остаться. Но Эльзберг не любил просить нас об этом.

В то время мне, как и остальным ребятам, Эльзберг казался старым занудой. И только теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что он был очень хорошим человеком. Я думаю о нем чаще, чем о ком-нибудь другом. Но сестра Тома мне вспоминается еще чаще. Сестру Тома я никогда не забуду.

Мы с Томом обсуждали соседние машины. Стоя плечом к плечу у сортировочных столов, мы разбирали важные мотки пряжи и развешивали их для просушки на специальных крючках, а вышесте расправляли и загружали в ковши, или, как говорят текстильщики, противни, подвешенные поперек готовящему пряжу на машины.

Том казался мне немного странным. Я любил поговорить обстоятельно и задушевно — о жизни, о девочках, ну, и всякое такое. А Том, он вечно витал в облаках. Только и, бывало, о чем-нибудь заговорю, как вдруг его носотое, всунутое лицо — топь-точь как у клоуна — расплывается улыбкой, и он начинает толковать о своем, и становится ясно, что он меня не слушает.

— Пугушки-то, а? — сказала он мне раз вечером. — Эх, стать бы воробьем! Вот было бы здорово! Садисьшь ты, к примеру, на карниз дома и делайшь вид, что нечаянно сорвался. Падешь камнем, как будто ты мертвый, а у народа вмиг уже глаза моргают, так им тебя жалко, а ты вдруг — р-р-раз! — раскрикаешься, только тебя и видели. — Потом он посмотрел на меня и говорит: — А ты никогда не хотела быть птицей, а? Была? Ласточкой или чайкой.

— Так ведь высоко залетишь, — говорю, — того глядя упадешь.

— А, да что с тобой толковать! — говорит Том.

Красавицки и отбавицки ухолола и шлошь, а Эльберт чуть задерживался — часом да семки. И потом мы, восемь ребят-машиновтов да похобки Харви с отжимной центрифуги, оставались одни, сами по себе. Правда, нам давали задание на весь вечер, и наши машины работали прычикою — восемь фунтов пряжи каждые пять минут, так что звать нам все равно было некогда.

Оставшись одни, мы горлаючи песни. А то похобки Харви обернется от центрифуги, отключит языком верхнюю вставную челюсть, приспустит ее на нижние зубы и орет:

— Эй, парня, кто меня поцелует? —
Мы его, бывало, рутем на все корки, а он и рад, знай себе поменяется. А потом вдруг затнет «Немецкого часовщика» или какую другую похобкую песню.

К девяти мы устали, и песни прекращались. В это время мне удавалось побеседовать с Томом, и не о какой-нибудь вроде птиц, а серьезно: о жизни, о себе, о всяких важных вещах.

А однажды вечером, примерно в полдесоттою — мы заступили на смену в шесть утра, и сильно приунали, и хотели есть, и придумывали, чего бы мы сейчас откупили, — Том неожиданно стал серьезным и говорит:

— Попробовать бы тебе яблочный пирог нашей Мэри?
Он так это сказал, что я здорово заинтересовалась: в его хриплом голосе вдруг зазвучала нежность.

— Вашей кого? — спросила я Тома, стараясь сообразить, о ком он говорит.

— Нашей Мэри, — ответил Том, — она моя сестричка.

— Сестричка, — говорю, — а я и не знала, что у тебя есть сестра.

— Да я, — говорю, — никому здесь про нее не рассказывала. У них ведь одна похобкина на уме. Стай бы ты рассказывать про свою сестру, когда тут опинается этот похобки Харви!

— Ясное дело, — говорю, — не стал бы.

Том как-то особенно рассказывал про Мэри, и мне очень захотелось у-

знать о ней побольше. Том сказал, что она работает в аптеке и что скоро ей исполнится семнадцать лет.

— Когда она утром идет на работу, — рассказывала Том, — ну просто заглядеть. У нее сплутые на затылке темные-синий костюм.

— Какой? — переспросила я. Я прекрасно все слышала, но мне хотелось, чтобы он повторил.

— Сплутые на заказ темно-синий костюм. И белая блузка с серебряной брошкой. А в дождь Мэри надевает плащ, — рассказывала Том, — он и твоему и с повсюду. Но если ты думаешь, что Мэри — шестидесяти, выбрось из головы. Тут не в этом дело. Просто она знает, как быть красивой.

С тех пор, приходи поутру на работу, я хотела одного: дожидаться вечера, чтобы послушать Томовы рассказы о Мэри. Обычно он рассказывал о сестре полаяса, а в иные вечера, случалось, и дольше, но иногда он и вовсе о ней не упоминал. Если Харви пел свои похобкие песни, Том никогда не заговаривал про Мэри. И если к нам подошла кто-нибудь из ребят, Том моментально обрывал рассказ. А я уже не мог не думать о Мэри.

В выходные я с нетерпением дождалась попятодоманки, чтобы услышать, как Мэри провела время. Ирэака Том разрешил мне самому о ней спрашивать, но я знал, что он должен обязательно зыряться.

— Какую у нее волос? Иногда не замечаю. Но после мытья они так и перемываются бусетками. Иногда она разрешает мне их выгнать, а сколько раз я их ей причесывал! Сухие, они все равно что шелковые. — Том поводил руками, будто гладил шкел. Немного поговорив, мы бежали к машинам, и мне давали править такие переверты, получалось, что я вроде не только слушаю. Потому что, отлучаясь на минутку к машине, я думала о Мэри. В один из вечеров Том меня огорчила.

— Верно, — говорит, — рассказывала о тебе нашей Мэри. И она меня спрашивала, как ты выглядишь, да что за человек, и всякое такое. Ну, я ей и выложил все как есть. И знаешь, что она мне сказала?
— Мне чуть плохо не случилось, когда я услышала, что Том толковала обо мне с Мэри. Все же я нашел в себе силы спросить:

— Ну, и что же она тебе сказала?

— Она сказала: «Ты замолчишь за меня словечко перед Биллом!»

Я ударил своим не поверил. Ведь ни разу я женин — ни разу! — ни одно мое желание не исполнилось, а тут я ни о чем и мечтать-то не смею — и вдруг мне такая немисимый подарок, и я даже ничего ни о чем не просил. Мне хотелось как-нибудь отблагодарить Тома: я был самым счастливым человеком на свете.

Но, сортируя пряжу, я глянул на свои руки. Кожа была сухой и сморщенной — от каустика. В гладкой поверхности сортировочного стола смутно отражалось мое лицо, и я вспомнил, какое оно прищавое и бледное. Потом мне вспомнилась моей выходной костюм — брюки лоснятся, пиджак ужасно, руки чуть не про олово вылазят из рукавов. Я понял, что мне нечего и думать о Мэри, и почувствовал себя ужасно несчастным.

Однако вечером, когда я лег спать, все это показало мне не таким уж страшным. На девяти, получившие за сверхурочную работу, я смогу заказать себе хороший костюм — из тех, что облодятся в два с половиной фунта. Мама поможет мне купить банники. А если смазывать руки оливковым маслом, они будут выглядеть вполне пристойно.

На другое утро я сказал маме:

— Мам, а что, если я куплю себе новый костюм?

— Я думаю, это можно, — ответила мама.

— Но мне не хочется покупать готовый, в распродажу. Мне бы настоящий, который делают на заказ. Ты бы подглянула бы мне немножко девчачьи?

— Ну что ж,— сказала мама,— фургон-полтора у меня найдется.

Я поцеловала ее и радостно сказала:

— Ой, мам, большое тебе спасибо. Тогда я заказку его в субботу вечером.

Я взяла сумку, в которой вешу свои записки, и ушла, внимательно по-смотревшись в зеркало. В распродажу не так уж плохо и выглядела.

Вечером Том опять рассказывал мне о Мэри.

— В субботу — начал он — Мэри собралась на танцы, а наш дом не было — только мы с ней иддем. Она пошла мыться, а я сидела в гостиной. И, наверно, я незаметно задремала у машины. Потому что потом я вдруг открыла глаза: а она уже собралась и стоит передо мной. С прической, в своем черном шелковом платье, ну и все такое — сам понимаешь. И она меня спрашивает: «Как я выгляжу? Ничего?»

«Нормально», — отвечает. — Вот бы Билл тебе увидел.

«А да мне», — говорит — это было бы приятно».

— Знаешь, Билл, ты бы наверняка и мне вылобсился. Я ее брет, а ты бы почти влюбился. Да еще этот аромат — она чуть прищурилась, — как будто рядом с тобой шикарная дама.

На минутку мы разошлись, чтобы загрузить прошивку, а потом вернулись к сортировочным столам.

Она наизушла плащ и присела рядом со мной. И тут я слышу, по улице едет машина и останавливается прямо у наших дверей. И гудит. «Кто это», — спрашиваю, — такой? А Мэри отвечает: «Не выходи, плещ подождет». И вот она сидит себе спокойно на стуле, наша-то Мэри, и даже не думает встать, чтоб мне весте провалиться, если везу. Нану Мэри не высовывай автомобильным гудком. Мышина, значит, стоит, мотор работает — представляешь себе, сколько бензина сгорело, и все впустую. И еще вытерпел. И пришло-таки это время вылезти из машины — он поднялся на крыльцо и по-ступал в дверь. Я говорю Мэри: «Подожди меня перед уходом, Билла?» И она чмокнула меня в висок — она всегда проказничает — так, знаешь, Адам, у меня нос потом целую ночь шекотался.

Через несколько дней Том заболел гриппом. Пока он лежал, я получаю свой костюм. У меня такого костюма сразу никогда не было. Я оказалась в нем старшей, и со мной, и крепче. Истота дала, своим и это примера. К туалету и прикладывал бумажную салфетку, как будто на мне шикарная белая рубашка, и потом, держа в каждой руке по свечке, подходил к зеркалу и внимательно себя разглядывал. И разучившая новые выражения лица — серьезные и улыбающиеся — и говорила, шикарилась толчком: «Как поживаете, Мэри? Очень рад с вами познакомиться. Том иногда мне о вас рассказывал».

Том вышел на работу в понедельник. Весь этот день я думала только о Мэри. Мне хотелось поговорить о ней прямо с утра. А вместо этого я слушала его болтовню, которая несколько меня не интересовала. Я знала, что он скажет что-то смешное о Мэри, но он не упоминал о ней до самого вечера.

Вечером ребята горлачили песни, потом, как обычно, настало застолье, когда слышится только жужжанье роликов, да азарт рычатых, разводящих валам, да стук подошв по бетонному полу.

Часа к двести мне стало невзгодно, а Том ни одним словом не обмолвился о Мэри. Сам я же релася расслабить Тома о сестре — он не любил, когда я первый начинала о ней разговор, и если бы я все же начала, могло быть только хуже. Уж чего-чего я только не делала: угодила Тома сигаретами, слушала его трюны, старательно отводя на его дурацкие вопросы, потом все вообще перестал с ним разговаривать, но он ни словечка не проорол про Мэри.

И вот, когда времени почти не осталось — было уже без чего-то десять — и все мой старший ни к чему не привел, я не утерпела и сам, первый, спросил Тома, старшая, что мой голос прозвучал естественно.

— Слушай, Том, а как там ваша Мэри?

В это время машина закончила цикл, и мы побежали загружать прошивку.

— Наша кто? — спросил Том, вернувшись.

— Как так — кто? Ваша Мэри, твоя сестра.

Том медленно вынул из рта окурок, бросил его на выложенный бетонный пол, затоптал ногой и нетерпеливо сказал:

— У меня нет сестры.

Сначала я не поняла. Это было так неожиданно, что прозвучало бессмысленно. Но почти сразу — так бывает, когда встретишься с правдой, — я почувствовала, что болше спрашивать не о чем. И все же спросил:

— У тебя — кто? Том?

— Нет у меня никаких сестер, — сказал он.

На секунду я озабочена. Я боялся, что он догадается, насколько все это для меня важно. Моя машина легитима подлезшими рычагами, вышедшая из годами мерсеровской пружины, я подбежал, спис с роликов готовые мотки и загружал в противень новую прошивку. Выдало, я действовала не так быстро, как обычно, а может, просто не думала о работе, потому что, когда ролики начали крутиться, я все еще растревала загруженную пружину. Мою руку тапнула к отжимным валам, но в последний момент я успела ее отдернуть, уже почти ощутив их медленную хватку. Я смотрел, как пружина наматывается на валы, слышала легкий шорох растягивающихся нитей. Еще секунда, и руку раздавило бы. Но даже эта мысль не привела меня в чувство. Шуршание наматываемой на валы пружины томилось и гудело в тугачем тумане и в то же время как бы ждало во мне, отдалась в груди тивковой и тошнотой болью.

Я снова подошла к сортировочному столу и начала разбирать вляжную пружину. Том стоял рядом, и я услышала его слова:

— Нас шестеро: отец да мать, пять братьев. И мой братик — такая гниусная банда! И ни одной девчонки в семье — ни сестры, ни матери... — Он бросил работу и повернулся ко мне. — Я не знаю, Билл, зачем я ее вдувала, нану Мэри. Это не давай Билл.

Я не мог его слушать — этот дражний голос, — я не даю ему договорить: я завалила во все горло «Немецкого чашкозика» — никогда в жизни я не пела так громко. И похажив Харики обернулся от центрифуги и крикнул мне:

— А ничего у тебя настроение, пареня! Видно, у тебя порядочек с твоей тивковой, а?

И я зааря ему:

— А ты как думаешь?

Перевел с английского Андрей КИСИЯКОВСКИЙ.

Рисунки Валерия ПЕСКАРЕВА

Валентин ОСИПОВ,
Лев ШЕРШЕННИКОВ
(ФЕРТ)

О ЧЕМ

ССТЫДИЛИ

ЖИВУТ

ы однажды попали на официальном встрече, но сдержались на регулировщица и регулировщиков, на предельные светофоры никак не хотелось. По улицам мчались восхитительные автаны в наемного особом, неповторимый и своеобразный нубином ритме праздничного ликования шла молодежь.

— Манifestация в честь Х Всемирного фестиваля, — пояснил мне работник Национального комитета Союза молодых коммунистов.

Над колоннами — флаги и транспаранты, лозунги, на бортах грузовиков и автобусов — фестивальные ромашки. Обнюхивают четкий ритм тамтамы. Песни, музыка. Процелил отряд всадников в одежде повстанцев времени

борьбы с испанскими колонизаторами. Мрут шопиланцы с огромными карнавальными — будущие учителя, бойцы за демократию в деревне. Студенты в больших халатах — пополнение медиков. В сборнере, с пополняющимися инициалами, мечете — рубящие сладкого тростника. Зеленолет ряды воспитанников военных школ.

Несут портреты В. И. Ленина и выдвинуется кубоского писателя и демократа, революционера Хосе Марти, Фиделя Кастро и Хо Ши Мина — праздничная победа вьетнамского народа! На плакатах — цифра XX. Молодежь читает 28-летние восторженные блатские казармы Монкада. В бунете флагов братских стран — наш флаг, советский.

Гудят автомобильные колокольчики, режут ручные серпы, взрываются разне-

Малор СТУРА

ДЖУ

РАССКАЗ ОБ АМЕРИКАНКЕ,
БОРОВОЙШЕЙ
ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ МИРА
ВО ВЬЕТНАМЕ

Капитолию к демонстрации не привакали. Капитолию демонстрации не в диковинку. Знаменитый Вашингтонский холм, на котором высится беломраморное с колоннами здание конгресса Соединенных Штатов Америки, видел их на своем веку и малое множество — официальные и стихийные, воинственные и мирные, верноподданнические и протестующие. Но демонстрации, подобной той, что произошла у его порога 22 июня 1972 года, в истории Капитолия еще никогда не было.

С раннего утра — а утро в тот день выдалось ясное, солнечное — холм заволакивала толпа людей. Толпа, обреченная ровным прибором дествящие всера конгресса, состояла исключительно из детей и женщин. Представительством мужского пола ограничилась полиция и репортеры.

В пока еще восторженных речах демонстрантов то там, то здесь мелькала стройная фигура молодой женщины с черными, как смоль, волосами, в серой куртке-«френче» с огромным жетоном на груди.

— Сестра Джои! Сестра Джои! — неслабо со всех сторон.
Девушки обнимали ее, делясь жалом к ней. Она улыбалась им доброй, ободряющей улыбкой, обнявшая больше двух. Милославные глаза женщины, обычно подернутые поволокой грусти, излучали задор и энергию.

— Как это прекрасно, что вы здесь, как это хорошо, что все мы вместе! — говорила она, пожимая руки, ткнувшись к ней со всех сторон.

Солнце было уже в зените, когда женщина поднялась на лестницу, ведущую к восточному портику Капитолия, и, обращаясь к толпе, воскликнула:
— Пусть это будет нашим последним усилием пробиться к ним, быть услышанными ими! — Она указала рукой на здание конгресса, затем растопырив ладони V-образным знаком победы и мира и запела песню битла Джона Леннона «Дайте миру шанс», песню, ставшую гимном американского антивоенного движения.

Толпа подхватила песню. Чекая ритм, дети и женщины брелись за ручку и раздвигались все шире и шире. Вскоре Капитолий оказался засыпанным живой цепью. «Дайте миру шанс! Дайте миру шанс!» — пел гигантский хором, медленно обходясь вокруг резиденции высшего законодательского органа страны.

Женщину, руководившую этим единственным в своем роде хоромом, звали Джои Баз, а демонстрация носила колдовое наименование — «Коллео вокруг Капитолия». Ее нельзя было повалить на членов конгресса, потребовать от них не голосовать за очередные кредиты, очередные миллиарды долларов на грязную войну во Вьетнаме.

Спустя некоторое время хоромов перестроился в цепь и двинулся к главному подъезду Капитолия. Вперед шла Джои. Правой рукой она обнимала за плечи плечущую девушку — Шейлу Кронин, брат которой пропал во вьетнамских джунглях, а за девушку держался девятнадцатилетний мальчуган — Маркус Раскин, самый юный активист антивоенного движения.

Полицейские програбали им путь. Произошло замешательство. Двухметровые «скопы» (жаргонный синоним полицейского), столкнувшись с детьми и женщинами, явно растерялись. Дубасить их дубинками, гнать гадами под прямой наводкой телевизионных камер? «Копы» при всей своей тугой полицейской слоновости понимали, что это невозможно. Но и пускать демонстрантов в конгресс они не рванулись. Приказа не было.

— Мы пришли с мирными целями, изрядно потакавшие со своими избранными. Это — наше право и их обязанность, — говорила Джои, гипнотизируя начальна охраны своими мимолетными глазами, в которых уже начинала мелькать искорка гнева.

— Не могу, мам, не везено, — бурлили окрестически «скопы». За их бесцветных глазах тоже начали мелькать искорки. Злобы. Дети и женщины продолжали напорть. Полицейские изголодали. Буквально каждому из них могло исходить отрицательное поощре. Но вдруг из глубины коридора появился запылавшийся погоний джентльмен. Это был Хью Скотт, сенатор от штата Пенсильвания, лидер республиканского меньшинства. Минутой две-три он о чем-то шептался с мрамоч «копом», а затем, обращаясь к демонстрантам, сказал:

— Произошла недоразумение. Добро пожаловать.

Полицейский кордон нехотя расступился, и людская волна разлилась по бесчисленным лабиринтам Капитолия. А в самом центре водоворота по-прежнему мелькала стройная фигура молодой женщины с черными, как смоль, волосами, в серой куртке-«френче» с огромным жетоном на груди, в овале которого расправляла крылья голубь мира.

Кто такая Джои Баз, выколовшая «Коллео вокруг Капитолия»? Ответы на этот вопрос можно услышать самые разнообразные и, как правило, противоречивые. Одни называют ее «Мамой д'Ари» антивоенного движения с гитарой вместо меча, другие — коммунистической Мата Харви (известная шпионка); для одних она поданная американская патриотка, для других — вьетнамская покладная утка; одни видят в ней выдающуюся врожденную певцу, другие — уличную «молоскавскую» пиваху, другие понимают ее имя, как звание, другие вносят его в прописционные списки. Недаром доске ФБР на Джои толще сборников ее песни. «Она полмиллиарда людей», — говорят о Баз в Аме-

ПОЭЗИЯ ПЯТИ

Бенето ЛИМ (Филиппины)

Надежда

1
Я рождался в двадцатый раз.
Мой бесчелюй,
мой новорожденный крик
будет болевой разрыван.
Я рождался в двадцатый раз.
Чтобы снова сыграть
очень грустную роль —
роль собственной тени
на побуревшей стене.
Доколе!
Сную самолеты.
Цеплятся в свисте.
Но мой друг
он совсем не чудак —
вдлет чудные сны,
где у грядущего
лица человека,
жмущего
радостно и светло.

2
Это мой двадцатый гибель.
Все бомбы взорвались во мне.
Мое сердце — пепел ненужный.
Мой разум выгодно продает
на торжища алчных
господа в бесчелюстных рубашках.
Доколе!
На мой друг —
он совсем не чудак —

чувствует
приближение
новых криков.
В мире падают быстро
кровяные алчные зла.

3
Я рождался в двадцатый раз.
Я рождался с жизнью в крови.
Больше я не хочу кровь
пропалывать.
Довольно!
Мое сердце делится в мир,
где жарко накаива.
Мой разум стреляет
по самолетам,
гибель несущим
людям, небу, земле.
Я живу рядом с другом.
Мы вместе поем на рассвете
могучую песню жизни.
А заря заливает светом
этот яростный мир,
где бомбы все еще рвутся,
где напалмом сжигают
новорожденный крик...
Мощен натиск зарю.
Вместе с солнцем
приходит надежда.

Перевел с английского
Георгий АШКИНАДЗЕ.

Тхань ХАЙ (Южный Вьетнам)

Утро после войны

Самя собою
приняла останков.
В окно я глянул...
На ветвь дерева альпийского
птичка паря слетела.
По черному наряду самни
Белый
пунктирных линий ряд,
как будто ведомы птице
и скорь, и грусть, и боль...
Птице,
моя подруга!
Киповом она ласкает
перья любимое...
Улыбается ветка птицам
устанам крик цветов,
глядит их лепесткам.
О птичек! счастье молодоженов
думало я, адыкала
пыльница крылатых новой весны.
Мои мысли потеряны,
выскальзывает из рук,
на пол падает веретено.
Цвета мое сердце возмущают.
Ты забыл их запах в годы войны.
Но ты поминишь, любимый,
время цветения альпийских:
мы лежали под деревом
и друг другу шептали
слова нежной любви!..
Поминишь, любимый,
время цветения альпийских:
я держала в руке золотое солнце,
и солнце ты поделил
мнежду мам...
Три осени с тех пор миновало.

Трижды замркали и
защелкали трижды
альпийские деревья.
Улетала трижды и
возвращалась столько же раз
эта вот пара пернатых влюбленных.
Все еще оживает тебья,
я часто гляну в окно —
приска из-под моих рук
ложится невероятным узором.
Мать говорит мне:
«Приходи в порядок принесу.
Я думаю про себя:
«Для кого мне красивой быть!»
В зеркало я глянусь —
в нем никого
с собой радом не вижу.
Твое перечитываю письмо:
голубая чернилка все еще свежик...
Несудя убавить не могу
от неких твоих объятий,
не могу увидеть никак
твоих глаз в улыбку.
—И сегодня сама собою
остановилась прелка.
Гляну я на ветку альпийскую в цвету,
слышу щелбачение птиц.
Любимый,
я жду тебя, жду,
как альпийское ждет дерево
прихода весны!..
Весны дожидаясь и мы:
вчера объявился:
«Войне —

конец!»
Перевел с вьетнамского
Борис ПНЕЛИНЦЕВ.

Фахри ЭРДИНЧ (Турция)

К провозглашению мира во Вьетнаме

Мир во Вьетнаме!
Запеть, говоришь, долгожданную песню победы!
Где взять для песни слова!
Сердце еще не избыло печали.
Радость лишь кончиков пальцев коснулась.
«Мир во Вьетнаме!» — призывом звучал
Эти слова на устах миллионов.
И, наконец, тишина.
Перестали орудия бить.
Даже те, кто был на ухе тур,
услышавши:
Вперед поспеваю агрессору бигону бить.
Говоришь, можно спать по ночам наконец-то
спокойно!
Спать спокойно, когда заворошены горем глаза,
Как песком раскаленным пустынь;
Если идут того, кто любовь!
Если стыдятся кирки и лопаты
Рать могилы твоими молодцы!
Если дамбы разбиты, поля сохины,
если раны еще кровоточат!

Спать спокойно... Легко сказать!
Младенец во чреве, и тот исторсион.
Говоришь, теперь превращают рамам
Всем от мала и до велика.
Рамы завать нам друзья помогали годкам.
Может, кватит бинтов, если станут их тить
Все на свете тыщине станы.
Где достать бинты для души!
Завашено сердце, как зерпало, в траур.
Говоришь, взглядом жизни взглянуть
На зельно свою и на небо...
На небо! Но разве свет бомбы забьют!
Из памяти нашей не улетьет
Птице, несущей смерть, — самолету.
На зельно ногам нашим страшно ступить:
Что ни шаг, то чудится хруст костей.
Пропята кровью земля поляя.
Говоришь, забудется, время пройдет...
Нам и этого не дано.
Восстановят пагода, школы, дома.
Расселят всех потерявших кров.

Но те, кто ушел, не вернутся назад.
Есть горы, котормы верхним синиск.
Возрашишь горы не вырастут вновь.
Угтерь, говоришь, глаза
И, как только просохнут чернилка,
Закатав штанины и рукава, выйди на рисовое поле,
Погрузит лавин в лопу илглого жла.
Пусть под стрелами фабрик строким
совьет свой гнезда снова
И самое алое в Азии знамя
над крышамн пусть развевают муссонн.
Конечно, выпра, конечно, выйдем,
И птицы нуть гнезда совьет,
И братья к нам в гости приедут со всех
континентов планеты.
Но обиваний совостью вывет
сдет пуская на смякло подсуздимых
и пусть не уйдет от ответа.

Перевел с турецкого
Радия ФИШ.

КОНТИНЕНТОВ

Шубхаш МУКЕРДЖИ (Индия)

Лицо в демонстрации

В толпе демонстрантов я увидел одно лицо, сжатую в кулак тонкую руку, выброшенную к небу; несколько прядей волос, не послушных причёске, как языки пламени, метались под ветром. Даме когда его поглотила толпа, на вспененном гребне людского бурлящего моря, будто фосфор, вспыхивало сияньем демонстрации этой лица. Мигнул закончился, толпа разошлась, и среди леса рук, упавших к земле, среди многих шагов стерлось демонстрации этой лицо. До сих пор целями днями брожу я по улицам и, увидев толпу, останавливаюсь: адруг я где-нибудь встречу демонстрации это лицо. То пригласит мне чей-нибудь нос, изыщит, как флейта, то опьянит меня взгляд, подобный оленьему взгляду, но очи людей опущены надо, среди бурлящего моря не вспыхивают, разгораясь фосфорически светом.

их лица...
А во мне все живет, словно мечта о море, демонстрации той лицо. Покуда другие лица под пластами дорогой косметикой наперебой спешат скрыть уродливую неестественность и, чтоб заглушить злоемио гниющего трупа, натравят тело дузами,— несравненное то лицо, обманенной шаге подобно, вспыхивая, обнимает меня. Вот почему у темноте я сую людям в руки прокламации и листовки. Обетавшего здания камни я призываю разрушиться, чтоб в нарастающей демонстрации то лицо обрело свое тело, чтоб всемирная, разрывающая цепи любовь мостом между двумя сердцами легла.

Перевела с бенгали Татьяна ГЛУШКОВА.

Хайнц КАЛАУ (ГДР)

Если бы я не родился на свет...

И эта лунайка, и этот буйный ручей, и это лазурное небо, и птицы в небе, и всякая живность в лугах и реках — все было бы так же, если бы я не родился на свет...

И этот зеленый, аккуратно подстриженный луг, и этот быстрый ручей, превращенный в канал, и мост над каналом, и небо — бездонное небо с белыми полосами следов реактивных машин, и рыбы, сиющие в запоедных прудах, и птицы с колечком на лапках, и живность, которую повят силками,— что было бы с этой природой, с нашей Зеленью, если бы я не родился на свет...

Перевел с немецкого Борис ПЧЕЛИНЦЕВ.

Георгий КОНСТАНТИНОВ (Болгария)

Долгий день

В зром пламени восхода Догоревает ночь. Просыпается природа. Мрак уходит прочь. Есть любовь у нас и лето, Неба голубень. Начинается с рассвета Долгий-долгий день. Радость, боль и ясность целы, Утра синий дым... Сиюа порою разделит Все, чем дорожим. Пусть зерно ложится в пашню И не знает бед. Из альбы небесной чаши Путь студеной свет. Видишь — горизонт искрится, Пламя снь прожгло... Момент всякое случится — И добро и зло. Над зеленым светлеют иск. День грядет, как бой. И от солнца он завест И от нас с тобой.

Перевел с болгарского Геннадий СЕРЕБРЯКОВ.

Рей АУТРА (Гвинея)

Наша любовь — свобода

Нашни глаза близоруки. Они нас убеждают, что есть люди с кожей белой, как явель, желтой, как лунный свет, черной, как черизюм. Это лопь, завлюю. Нет цвета другого, кроме цвета крылатого явря, которому ния — любовь. Любовь и красоте и свободе, любовь и справедливости, правде, любовь к отдельному человеку и но всему человечеству. Убейте ее, и жизнь превратится в порабь без поруса и руля.

Верю, время настанет такое, когда наши глаза прозреют, сердца расслапнутся и в них запылет огонь солидарности. И больше не будет ни белых, ни черных, ни желтых, будут люди, чьи души не тронуты лезвием предрассудков, чьи нервы заветы не обонгла. Не будет «индильсаваннх», и «индик» не будет — только братья, только друзья. Ведь счастье не может жить в одиночестве, в крепости с крепким

замком. Оно жаждет общения с миром. Из почвы реальности вырастет древо густое нового общества, раздающее щедро свободу, не ограниченную ни временем, ни пространством, ни расой, — свободу, объединяющую нас, разноплеменных, в единый народ.

Перевел с французского Георгий АШКИНАДЗЕ.

Денис КЕВАНС (Австралия)

В лагере смерти

Один пришел я в Равенсбрук, Где ад недавно был. И азал молниенно с собой И четок не забил. И день и ночь молился я За погребенных тут, За тех, чей прах ни сын, ни брат Вовек не найдут. А после к ангелам воззвал: «Уйдите стлану, Когда б не ои, не стал бы бог Благопоялять воину!» Не пелом, зренье и золой Ответи Равенсбрук: «Не слышит бог, но ты кричи,— Ведь люди есть вокруг!»

Перевел с английского Анатолий СЕНДЫК.

МАСТЕР

три времени
глагола «любить»

С буровым мастером
Нижнеартовского управления буровых работ № 1
Виктором КИТАЕВЫМ
беседует специальный корреспондент «Смены»
Юрий КАЛЕЩУК

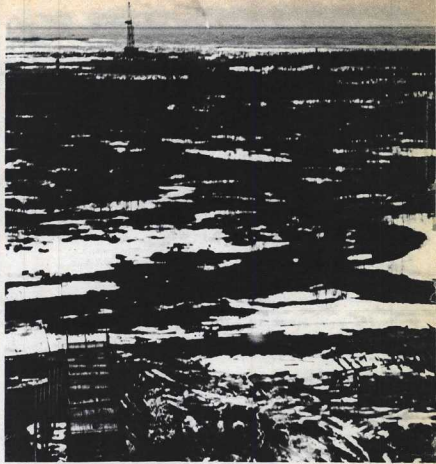
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Имя много собеседника
знакомо читателям «Сме-
ны».

Выпускник Куйбышев-
ского политехнического
института; буровой ма-
стер с Самотлора, само-
го крупного нефтяного
месторождения страны; руководитель
комсомольско-молодежной бригады,
взвешив обязательство исполнить пя-
тилетку за три с половиной года —
к пятидесятилетию присвоения комсомо-
лу имени Ленина; депутат X Всемир-
ного фестиваля молодежи и студен-
тов.

О нескольких февральских днях из
жизни бригады и ее мастера журнал
уже рассказывал («Начала как неде-
ля», «Смена» № 8 за 1973 год), и, на-
верное, многим читателям рассказ по-

казался непонятым. В этом, быть мо-
жет, моя вина. В ту февральскую ко-
мандировку я прожил на буровой по-
чти полмесяца; бригада готовилась к
работе на двух буровых станках, то
были сумасшедшие дни и ночи, не-
различимые и неразделимые, — вахты
сменяли одна другую, но ничто не ме-
нялось в напряженном ритме труда;
Китаяев думал и почивал в бригаде,
а что же оставалось журналисту? Кро-
вожадная формула «Режиссер умира-
ет в актере», бытующая в театраль-
ном мире, пожалуй, вернута быльна в
журналистику, несмотря на свою
визульную завершенность. Можно стать
тенью героя, раствориться и умереть
в нем тысячу раз, но какой толк чи-
тателю от твоих укромных, если под-
робные и протокольно точные описа-
ния переменений героя в простран-

БУРОВЫЕ, БУРОВЫЕ... ДО ГОРИЗОНТА. ЗА ГОРИЗОНТОМ.

ве не могут замечать прямого ответа на самый банальный, но никогда не утрачивающий значения вопрос: что думает человек о себе самом и о мире, в котором живет.

Нужна была беседа. Обыкновенная обстоятельная беседа.

Когда в мае я снова приехал на Самотлор, бригада Виктора Китаева перекочевала на новый куст, и все или почти все начиналось сначала: вахты сменяли одна другую, но никто не менялось в напряженном ритме труда. Китаев... Впрочем, об этом я уже говорил. Растаял снег, обиважив шаткую неважность поселков, — появились «Уралы», зарывшись по багряням в бурое месиво, имеющее дорогу, с безрасушной хребтостью пылали вперед, но даже их знаменитые стир вездешники нередко оказывались бессильны. Каждая труба, каждый мехоп цемента, каждая гайка, каждый электрод были на счету. Ряды не умолажа ни на минуту, взрывались одновременно десятками голосов, и все буровые осылали диспетчера срочными, самыми срочными, самыми-самыми срочными заказами.

На 45 м кусту готовились к спуску эксплуатационной колонны. Китаев добрался сюда загодя, чтобы принять участие в этой ответственной операции, от которой зависит результат невадной работы всей бригады. Вахта веда выброс инструмента — бурлящие вытаскивали трубы наверх, помбуры разношнуровые или, ступаями вниз по желобу, а рабочие и мастеров скатывали трубы по стеллажам. «Часа на четыре работы», — привидел Китаев и выпрыгнул в кулудобу. В выгончике Китаев поспея к стусу, вынул маленькую записную книжку и стал набрасывать распорядок дня на завтра. Я сдв напропята и тоже вытаскивал блокнот.

За этот месяц (две недели в феврале и две недели в мае) фотокорреспонденты «Смены» Владимир Чейнивили и Альберт Лехмус снимали Китаева сотни раз — на черную бумагу и цветную пленку, утром и вечером, с длительной подготовкой и высадкой. И все же я рискнул описать его. Он плачущий, крепкий, но роста скорее немского, чем среднего, ходит быстро и ловко, уверенно и безошибочно отыскивая на невадных, неприятных здеших тропах наиболее благоприятный маршрут. Волосы светлые, в зависимости от освещения могут приобретать рыжеватый или стальной оттенок; глаза голубые — в зависимости от освещения. Так и подмывает записать это описание испытанной формулой: «Это было обыкновенное лицо счастливого человека».

Что такое счастье, Виктор?

— Счастье — это когда любишь работу... Когда видишь, что люди, работающие рядом с тобой, в твоей бригаде, довольны своим делом, твоим вкладом в общее дело. Счастье — это когда видишь результат своего труда.

— Но если не видишь, а только веришь в него?

— От человека зависит многое, в том числе и то, чтобы его уверенность была реализована.

— Значит, возможность счастья связана непременно с трудом?

— Работа — главное. В ней и начало всего и путь к цели. У меня в

бригаде дело не казилось, и, честное слово, несколько раз готов был бросить все, поехать в отада... Но ведь без этой работы я буду уже не я.

Не люблю медленно ходить, жить медленно. Не люблю ждать, пока кто-то сделает работу, которую могу и должен сделать я. Помимо и школьные времена играл мяч — и все ждал, когда его принесут, кто сбегает... И всегда бегал. Жалко было тратить на ожидание время, которое можно употребить на работу.

Наверное, я тоскавлю. Мне хочется сделать мою работу хорошо, лучше других. Хотю, чтобы бригада Асвоина обогнала. Не то чтобы это цель жизни, как я бригаду оаждать. Но хочю. Чтобы проверить себя, свои возможности, чтобы нормально работать дальше. Я вообще в отношении работы истокнованный: по-моему, работать можно, только выходясь полностью, всего себя отдавая делу. Живу я, наверное, несчастьем завтрашним днем. Может, неинтересно живу... Когда я принял бригаду, была у меня мечта — создать коллектив, который бы пользовался уважением...

— И эта мечта сбьлась?

— Пожалуй. Во всяком случае, теперь я считаю так: мне повезло, что я работаю с этими ребятами.

— А они как считают?

— Ну, это их дело...

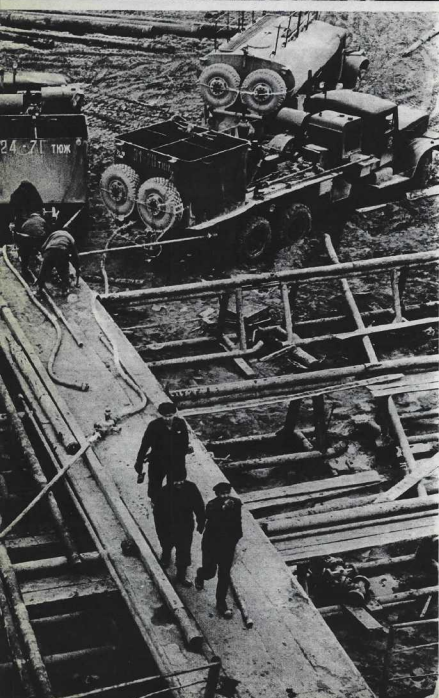
«Мы нашего Василья ни на кого не променяем», — сказал мне Федор Метруско, бурлящик китайской бригады. «Почему?» — с провокационной выносивостью спросил я. Федор похрюкал, но не ответил. Я продолжал настаивать. «Тебе надо было в 60 м к нам приехать», — сказал он, помогая. — Ты бы не задавал таких дурацких вопросов».

В 60 м на буровую летали вертолетами. И, когда «вышибан» вертолетом взмыла вверх, бригада оставалась на острове, отрезанная от остального мира. В бригаде, которую принял Виктор Китаев, была не половина бурлящиков, прежде была бурлящая команда, к назначению очередного бригадира они отнеслись скептически и снисходительно. «Раствор — кровь бурляшки! Институтские бабки! Бурляше — это метры и только метры! Возможно, это беспешанное заблуждение продлилось бы дольше, если бы бригада вдруг не подползла к ней с поверхности. Выброс, авария, ликвидация аварии. Долгая, однообразная и казавшаяся бессмысленной работа, поскольку метры в ней не было. Выходясь каждая каждые восемь часов, и только Китаев как будто никогда не уходил с вышки. Пока на пятый или шестой день не устала на мостке. Соблазнительно было бы воображать скрупулозно, расквашенную компанию рослых бурлящиков, уносящих в кулудобу почти бездельное тело своего мастера и со смущением поворачиваясь к окружающим, о том, что неадекватные параметры раствора помогают бы задвинуть возможные газопроводы. Но это произошло не сразу и не так просто. Но все-таки произошло.

— Случай. Виктор тебе 34, у тебя любимая работа... Все вроде бы идет ладно. Но... У тебя никогда не возникает сомнений, что могло сложиться иначе — не так как сложилось, что ты мог «состыться» иначе?

— Иначе! Ну, вернусь я на пятнадцатый лет назад и все начну сначала.

К 34 годам все должно стать доверительным. Я не выдерживаю, я обыкновенный человек и живу свою жизнь, не чувую. Я не одержим в науке, я одержим в практике. Любю грамот-

СКАЖИ МНУ ГОТОВИ К ИСПЫТАНИЯМ.

мый человек через 10—15 лет после окончания института может защитить кандидатскую диссертацию. Но важной задачей является не просто грамотные люди, а люди с идеями. Сделайте научными идеями. Для того, чтобы заниматься практикой, тоже нужно образование, может быть, даже талант. Вот восьмью Михайлова (Геннадий Михайлович Левин, буровой мастер, Герой Социалистического Труда—Ю. К.). Посмотришь на него— вроде бы обыкновенный парень, звезд с неба не хватает. Но в бурении— талант. Опыт, знания, интуиция— вот ему в этом равны.

Человек должен заниматься делом, я так считаю. Своим делом. А не капричить, что жизни не удалось, что сложился она иначе, все было бы по-другому... Не люблю я людей, которые считают, что от них самих ничего не зависит.

— Не любишь? А что любишь? Давно проспиритизм этот глупый по времени...

— Боюсь, что это будет очень односторонне: люблю дело, люблю людей, буду любить дело.

— И только?

— Разве этого мало?

— А кем бы ты стал, если бы не был нефтяником?

— Юристом.

— Почему?

— О-о, это еще с детства. Насмотрелся захватывающих фильмов, где рассуждаются сложные дела, где благородный адвокат, запомнил и составил тысячи фактов, приходит к неожиданному, но естественно правдивому решению и защищает человека. Что может быть больше этого— защитить человека? Какое преступление я расследовал в своем воображении, какие пламенные защитительные речи произносил...

— И что же после школы?

— А ничего. Подал документы на факультет автоматки и телемеханики.

— То есть?

— Это другая история. Дело здесь, по-моему, в тройке по тригонометрии, которую мне поставили несправедливо. До этого класса я вообще ничем, кроме футбола, не интересовался. А у меня был сосед, очень усидчивый мальчик, мне его всегда и пример ставили. Только зря. Кончилось тем, что на дворовом симпозиуме, где мамы обсуждали наше светлое будущее, моя мать сказала с глубоким отчаянием в голосе: «А-а, моему бы только десятилетку закончить!» Меня это так задело! Я перешел в другую школу. А в характере мне, между прочим, высказал: «Требует особого подхода». Ну, там, естественно, решил, что и разглагольствуй, и новую школу не иррационально. Как-то же жить уговорился, со второго сентября и начал заниматься. Ничего не занимался. Окончил школу с одной тройкой. Той самой, по тригонометрии. Но я тригонометрию лучше, чем на тройку, знал! Тогда! Пошел сдавать экзамены на факультет автоматки и телемеханики. Математика— «отлично». Естественно. Всего набрал 23 балла из 25.

— А как же нефть, бурение?

— На телемеханику я по конкурсу не прошел. Решил год переждать. Но на следующее лето пошел уже прямо на нефтяной...

Заманчиво было подредактировать этот рассказ, сделать биографическую историю о сосредоточенном мальчишке, который с малых лет читал толстые книги по геологии, на полях учебников рисовал скелеты буровых вышек, а на летних каникулах играл не в футбол, а в нефтегазоведников. И это была бы вполне реалистичная, но другая история, о другом человеке...

— Не только я выбирал дело, но и оно меня выбрало... В конце концов мы оба не ошиблись...

— А кем будет твой сын?

Китаяц испуганно: «Слушай, завтра же Сережке семь лет! Наверняка Нина забыла дать телеграмму, поздравить... Отец увез его на лето в Курбашеве». Он подался к рации, долго продирался сквозь разногласные шумы Самолетора, вызывал коммунатор, квартиру...

— Кем будет Сергей— переспросил он.— Не знаю... Пусть будет честным, справедливым человеком. Чтобы его уважали, кем бы он ни был.

— А какое качество в человеке для тебя наиболее ценно?

— Прямота. Когда человек искренен, пусть он даже ошибается: его вовремя, он сам исправится. Не люблю, когда люди врут.

Он стал буровым мастером относительно поздно, когда многие его оканчивали, пройдя братальство как необходимый и неизбежный этап, отправились дальше— в управление, в главк... Он начал позднее; и тому было много причин, но начал как натуралист, целенаправленно и изобретательно, будто все предшествующие годы готовил себя именно к этому делу, присматриваясь, вбирая в себя опыт лучших буровых мастеров...

Бригада досталась ему сложная, измученная неудачами. Чуда не произошло— с неудачи начал и он. Но про-

ОБЕД — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ.

ТОЛЬКО ВСЕ ВМЕСТЕ...

шло неполных два года — и бригада Виктора Китова выдвинулась почти на самый верх таблицы показателей. Но не только цифры были результатом. Бригада, почти не изменившаяся в своем составе, стала мощным, уверенным и себе коллективом.

— Трудно быть руководителем?

— Начальник — это тот, кто дает начало — мысли, делу. Невозможно ты способен быть начальником чего-то, настолько ты и руководитель. Требуешь с другими? Спроси с себя. По всей строгости. Уважай коллектив и потому воздай его к цели кратчайшим путем: не только ты будешь глотать пыль на обочине, если поведешь коллектив вразброд. Мы привыкли считать: «Коллектив — сила». А в чем его сила? В том, что разные люди, объединившись в коллектив, не выискивают себя, а остаются самоотверженными. Задача руководителя — к каждому найти подход, выявить его сильные и слабые стороны и так расставить людей, чтобы даже их слабости делали коллектив сильнее. Возьми бурьянщиков нашей бригады — ни один из другого не похож ни по характеру, ни по профессиональным качествам. Работай они каждый сам за себя, не знаю, чем бы кончилось. Точнее, знаю, но даже думать об этом не хочу. Но они бригада и при всем совершенстве своем работают друг для друга.

Старая истина — строи дом, строи завод, делаю дело, мы строи, делаем самих себя.

В бригаде Китова появились два патристико-запасничные молодые человека. Они прибыли из разных мест, но из тех, что принято считать «не столь отдаленными». Бригада не признает послабости, но бригада снисходительна к человеческим слабостям, если человек готов от них избавиться. Главная проверка — работа. И они поняли, эти парни, чего ждет бригада от них.

Сейчас это два лучших помбура. Здесь их приняла в комсомол.

В бригаде Виктора Китова люди шести национальностей: русские, татары, мордвы, украинцы, балшар, немец... На Самотлоре этим не удивишь. В стране никого этим не удивишь — мы привыкли работать плечом к плечу.

— Как-то привезла на буровой журналист из Берлина. Интересовался, что делаем мы для фестиваля...

— И что ты ему ответил?

— Да примерно так: чем больше мы пробуем скважин, тем больше добудем нефти. Чем больше добудем нефти, тем больше заказов торговых соглашений. А торговля — занятие мирное. Значит, мы работаем на мир. Значит, мы работаем на фестиваль.

— А что ты сам ждешь от фестиваля?

— Я еду впервые. Хотелось узнать, чем живет рабочая молодежь в разных странах... Хорошо бы встретиться с коллегами-нефтяниками — канадцами, американцами. Может, там будут буровые мастера, бурьянщики. Охота познакомиться с ними — и о работе и о жизни...

— А если бы тебе предложили там выступить и сказали: «Время — пять секунд. Пять самых важных слов!»?

— Да и бы только одно слово сказал, самое главное. Мир!

Китов встал и, уткнувшись носом в стекло, долго разглядывал косяк, поднявшийся в сумерках над буровой. «Выброс закончился», пробормотал он. — Лихо. Что ж, займемся спуском колонны...» И потянулся за курткой.

Фото Бориса СВЕТЛАНОВА

МУРАЛЬ В ЦЕНТРЕ САНТЬЯГО,
ПОСВЯЩЕНАЯ 7МУ КОНГРЕССУ
МОЛОДЫХ КОММУНИСТОВ ЧИЛИ.

Геннадий СПЕРСКИЙ Фото автора

БРИГАДА

АНТИФАШИСТСКАЯ ДЕМОСТРАЦИЯ.
ЛОЗУНГИ ОФОРМЛЯЛИ ЧЛЕНЫ
БРИГАДЫ РАМОНЫ ПАРРЕС.

ИСТЫ

ОДИН ИЗ ПЛАКАТОВ ПОДГОТОВЛЕННЫХ БРИГАДОЙ.

ХУДОЖНИК БРИГАДЫ РАМОНЫ ПАРРЫ АЛЕХАНДРО ГУТЬЕРРЕС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ БРИГАДИСТОВ ХУАН ЧИНЧИН.

Они много говорят и пишут, их снимают на фото и кинолентки, про них слагают легенды и песни. Одни считают их работой новым видом искусства, другие презрительно пожимают плечами. Есть люди, почтающие за счастье познакомиться с ними, пожать их, поцеловать; есть и другие, готовые запустить в них камнем, подстеречь с железным прутком в руках или послать пулю из-за угла. Они ничего не оставляют равнодушным. Их присутствие чувствуется во всей стране. Их слово или позунг затрагивают каждого.

Различные политические партии и течения Чили издавна используют для самовыражения, для пропаганды сво-

их идея все сколько-нибудь подкрепляющая места: будь то мост или набережная, каменная стена или домашний забор, уличная асфальт или газон. В первом случае в другом городе, в каждом селении вплоть до этой пласку красок, букв, партийных знаков и символов. И очень скоро среди этих микродоказательств выдвигаются вперёд те, которые нельзя спутать ни с какими другими. Печера пропагандистской бригады молодых коммунистов, привнесшая в район...

Мне нравится работа ребят, и меньше, как и много, волнует вопрос, искусство это или нет. Пусть его решают теоретики будущего, а сейчас мне не это. Важно, приведу высказывания профессиональных художников Латинской Америки, которые встречались с бригадистами.

Груагвез Эухенио Дарне: «Когда видишь настенные росписи бригады, овладевает одно желание — вернуться в свою страну и сделать нечто подобное».

Аргентинец Игнасио Коломберс: «Никогда не ожидал увидеть работу столь высокого качества. Группа людей с одной объединяющей идеей способна сделать столько».

Знаменитый журналист Роберто Матта, большую часть жизни проведший в Париже, приехав на родину, занялся в компаниях с бригадистами, исполнив вместе с ними работу в Кам-Лагранжа.

Если обратиться к аналогам... Пожалуй, ближе всего искусство бригадистов к плакатам и плакатистам Маяковского. Та же краткость, выразительность и энергичность. Те же резко очерченные контуры, та же мощная работа линий, сериализация, ритмичность с пучком иномощных. Я спрашивал ребят, знают ли они Маяковского. И мне отвечали, что читали, слышали о нем как о великом поэте.

Многие говорили шепотом:

Язык революции интернационален. Но он имеет и свои отечественные черты. Потому что каждая группа имеет свои особенности, которые составляют чилийские черты так же, как различные орудия труда и даже косяки хлеба.

Они первыми вывели на улицы и стены не только изображения бунта и символа, но и фигуру, лиц, вместо двух-трех основных тонов стали использовать цветовую гамму. Первыми соединили все это в единую систему, создав девятнадцать серийный, потом все более многообразный и усложненный. Подражать им нельзя. Создать что-то свое, столь же яркое и оригинальное, как у них трудно. Потому и усугубило все остальные молодежные группы — и левые и правые, — хотя краски издавали предостаточно.

История первой бригады берет отсчет с 19 октября девятнадцати шестидесяти восьмого года, когда по призыву демократических организаций тысяч молодых чилийцев отправилась в атлантико-океанский протест против воли США во Вьетнаме. Их путь лежал от Вальпарайсо до Сантьяго. Восемь человек во главе с Даниэло Бандоде по инициативе молодежи в атлантико-океанский район против воли США во Вьетнаме. Их путь лежал от Вальпарайсо до Сантьяго. Восемь человек во главе с Даниэло Бандоде по инициативе молодежи в атлантико-океанский район против воли США во Вьетнаме.

Сиропный опыт был закреплен. Одной из других инициатив бригады пропаганды молодых коммунистов. Во времена правления Дурадо Фрея бригадисты работали по ночам и на рассвете. Надо было быть быстрым и смелым, если постоянно находились между двумя прессами —

полонией и правыми силами. И те и другие срывали работу бригадистов: заставляли их рисовать и лозунги, отстранивали, захватывая камнями, нападая с пистолетами, другие задачи. И тогда появлялись новые инициативы: «Борьба за повышение производительности — тоже революция». Александр Гонсалес мне представлял, как он говорил о работе центральной бригады. Передаю мою статью и жуткий брикет с пыльными усами, немалого инне среднего роста, делавший вид, что не говорит о работе праздничного веселья не улетел.

— Это же невозможно... смеялся Александр... Или уж танцевать, или вести серьезные разговоры...

Мы встретились снова в науку первобытных праздников. Александр Гонсалес меня с Хуаном Чин-Чинем, главой всех бригад в стране и членом секретариата национальной комиссии пропаганды молодых коммунистов.

У нас сурков, фамилию и сдержанный характер унаследовал от отца, мидеяна-малею. О своей прошлой профессии журналиста говорил довольно неохотно и не любил говорить на эту тему. Для него самое важное — это сегодня и завтра, ради чего он и работает.

Александр — полная противоположность Марло. Он не говорит о работе, как называется, огонь. Он хорошо понимает друг друга. Александр делал в Сантьяго с юга, где у него остались родители-крестьяне. Здесь он жил на факультете искусств Чилинского государственного университета, хотел стать театральным художником.

К обеду за нехитрой трапезой собирались все. Шло оживленная беседа.

— Про нас всякое болтают... рассказывает Чин-Чин... Националисты называют нас бригады, выдают охранные функции. Им выгодно так представлять нас, чтобы нам оправдать свои насты и дубинки. Ультралево, наоборот, ругают нас за то, что мы не имеем организованную структуру. Мы партийные пропагандисты, наше оружие — слово, лозунг, перо и кисть».

Они работают каждый день, без выходных. Их искусство имеет и мессы и дама, и мюгга и один день. Ведь не спрашиваю, не забвешь с собой эти бесконечные росчерки. Их раздувают дождь и ветер, а зачастую и сами бригадисты, когда на повестку дня выходит новая тема и поверь старому слову нечаянно натыкаешься новым. Там же, где вы создали свои труды! спрашиваю я Александра.

Он объясняет:

Мы знаем, в чем специфика нашего дела — дело наше труднее обстоит. В этом и есть наша особенность. Это же действительно жалко, особенно если работали мы удачно. Там же, где вы создали свои труды! спрашиваю я Александра.

— Это нелепо врандимо. Когда-нибудь твой ярок уприсит музей молодых коммунистов.

Музей пока нет, поэтому придется пока использовать этот материал для книги.

— О бригадистах!

— Да... органто отвечает он.

Александр, спрашиваю его, а видел, или слышал работы, планирует ли...

— А что придумывает колхозники, планирует ли...

В глазах Александра прыгают веселые чертики.

— Фантазия и выдумка коллектива. Ты видел нашу роспись на набережной Мачопел? Это подарок бригадистов и пятидесятилетие партии... — Не только видел, но и фотографировал. Размалкиваю вы дураками, на целых четирыста метров! — Да, пометить пришлось. А до этого не было ни росписей, ни групп. Каждая группа свое дело. Например, тема Луиса Эмилио Реинабаррена, основателя Компартии Чили, тематика, посвященная учению вельи и замечаний, Центральным комитет утвердил Центральный комитет молодых коммунистов. После этого разделили набережную на части и начали писать свои росписи.

— Совсем просто, — поднимает он. — Если в своей книге ты ограничишься только этим, ее и читать не буду!

— Буду! — весело и убежденно говорит он. — Уже сейчас столько запросов, что поюна нет. Недавно армией в Сантьяго здесь были. Там меня вышпоротали бумажно. Хотел кое-что использовать у себя.

Вечером, когда мы подошли к зданию на Марюлета 96, где в ту пору находилась Центральная комитет молодых коммунистов. Пускают не сразу. Прежде надо заглянуть в окошечко, выразенное в дверь, объяснить, зачем вы сюда поведи явились. Предосторожность не лишняя: неподалеку находится штаб-квартира фашистской организации «Патриоты и Революция», как проинимали мы много раз в последние годы.

Знакомлюсь с членом секретариата национальной комиссии пропаганды Хосе Олваресом. Он готов к беседе, вполне охотно поговаривает меня.

— Мне уже много рассказывали, — говорю я. — Хотелось бы сейчас разговаривать в структуре вашей пропаганды.

— Могу назвать такие цифры. По всей стране насчитывается до ста пятидесяти групп. Треть часть из них работает в Сантьяго. Ведь здесь живут треть населения Чили. Наша группа состоит из политического руководителя, ответственных за материалы, за организацию. Объединят они студентов, рабочих, домохозяек, крестьян, имеющих определенные способности к живописи. Политический руководитель входит в локальные комитеты, а все остальное — нет. Над ним стоят региональный комитет и дальше уже наш Центральный комитет.

Задача на ближайшие будущее! Хосе перечисляет ровным и спокойным голосом:

— Первомайские праздники. Роспись на стенах и домах. Оформление колонн демонстрантов — они приносят в себя столько интересного. Печать. Агитация и пропаганда. А также средства для кандидатов коммунистической партии. Саш поименно, что все это и так знает.

Через несколько дней Александр Гонсалес уехал со своей выставкой на Кубу. Я следил за ним по телевизору: читал многоинтересные интервью, видел фотографии и кадры его возвращения. Выставка работ бригады прошла с большим успехом.

Однако поговорить с ним об этом подробнее не удалось. Свои вопросы я задал сразу, да так, что не выходя в Чили по на исходе.

Встретились мы с Александром только в день моего отлета, на аэродроме. Он появился среди провожающих, но все же сразу же ушел. Неожиданно. Проткнул мне свернутый в трубку рулон.

— Это от всех нас. Наш план... Покажишь в Союзе...

ервов мое знакомство с ансамблем «Мэнго» произошло неожиданно, где-то на границе Камчатки и Чукотки. Я тогда должен был взять интервью у знатного оленевода, а заканчиваю летать по пастушеским бригадам со своей концертной программой. Странно было видеть артистов в такой явочной концертной обстановке: огромные заснеженные овраги, окруженные тайгой, несколько меховых палаток, соборы на привалах, стадо оленей... Тогда, перед концертом, я успел только спросить: «Студента вы?» — и услышал: «Мы из Паланы».

Пастухи развели на снегу небольшую костер, полотно утоптали вокруг него снег и расстелили на распрямленных нартах, а из палатки под тревожный ритм бубнов вышла девушка. Язык движений был понятен и прости в далекие времена молодой пастух и девушка полюбили друг друга, на их пути встал властный и злобный соплеменник. С помощью шамана богиня пытается разрушить счастье молодых, но силы правды и справедливости одерживают верх...

Концерт длился часа полтора: старые ритуальные танцы, веселые пляски, песни — и все это на тридцатиградусном морозе! Артисты лишь наряде притиски в палатку отогреть замерзшие руки.

— Они ведь совсем еще ребята, — говорил мне руководитель ансамбля Александр Гиль, когда после концерта артисты и артистки забрели в палатку на мягкие оленины шкуры. Сам руководитель, кстати, выглядел едва ли старше своих воспитанников. — Продолжил он: «Я из школы учатся, — продолжил он, — их заставляю на гастролях каждый день заниматься науками — представляете, нагрусно! Все они космополиты, часто ездят в район как космополитская агитбригада. А им хоть бы что: после любого перелета часами готовы танцевать».

О многом хотел я расспросить еще Сашу Гиль, но за нами прилетел самолет. Летчик поторопился: надвигался пурга... Перед отлетом я успел стать свидетелем интересной сценки: несколько молодых мэнговцев устроили с пастухами шуточное соревнование в ловкости. Один человек раскручивал на дробине тонкий ремешок, привязанном к шесту, отросток оленьего рога, а соперники пытались набросать на этот рог петлю и ловить. Сделать это почти так же трудно, как завязать кончик перелера взлетающего самолета. Но с самолетом шутить никто не захотел, а вот рог одному из мэнговцев поймать удалось: я видел, уже издалека, как зааркал кончик перелера иллимонтог, как Саша Гиль беззвучно (руки-то в толстых меховых рукавицах!) завилировал победителя. В ту же секунду и я, и другие, произгивая и сквищая руки, изображали как бросают аркан — чуть. Неужели «Мэнго»? Я сваял телепрограмму, прочитал: «Завлочительный

смотр участникам Всероссийского съезда художественной самодеятельности». Передача шла из Кремлевского Дворца съездов. Опять я видел тембраментный, со скрытым внутренним напряжением «Вильгельм!» слышал тревожные крики «Члены над шторами! Северный морем, любования прыжками «Оленей»...

Утром во Дворце съездов я нашел их сразу: уже с эскалатора, ведущего в нижние фойе, были слышны ритмичные удары бубна. Ансамбль вдруг разросся: человек полтора десятков какой-то сплоченный массовый танец «Веселые ребята», большие радости, больше подыма!» — раздавался знакомый голос. Конечно же, это Гиль...

— Что случилось с ансамблем, откуда этот гигантизм! — спросил я его, когда после репетиции мы устроились в мягких креслах фойе.

Саша удивленно уставился на меня, потом поник, рассмеялся.

— О, я здесь став калифом на час! Дело в том, что меня уже во время съезда попросили поставить объединенную группу всех северных коллективов — таймырского, эвенского, мало-ненецкого, чукотского, корякского. Невероятно трудно было за несколько дней сгруппировать такой коллектив! А с «Мэнго» все в порядке. Но завоевали право приехать в Москву. Перед эти смотром были на гастролях в Париже, очень хорошо нас там приняли.

Чтобы сказать наконец все вкратце — судьбу молодого режиссера и историю созданного им ансамбля, я попросил Сашу рассказать о себе. Родился Гиль в одном из сел под Полтавой. Увлекался танцами. Потом приехал в Полтаву, поступил в театральную студию. Хореографией занимался с наслаждением. Услези Гиль были настолько очевидны, что уже через год его зачислили в штат балетной труппы. В те годы началась эпопея покорения целинных земель, и Гиль махнул в Казахстан. Он исколесил с концертной бригадой множество целинных дорог и в конце концов стал артистом создававшегося тогда Целинградского ансамбля под руководством ленинградца Ольги Давыдовой Андреевой, ныне заслуженной артистки РСФСР. Оказавшись в Москве, в Министерстве культуры, он встретился с камчадалами, познакомился, разговорился. «Перебрившись в наш край, зная, сколько у нас ребят! Будешь самостоятельным человеком!» «А что, приведу!» — сказал Гиль. А через неделю из иллимонтогов «Илья» он стал артистом ансамбля «Альма», в районный центр Палану. С первых шагов Саша повел: он встретился старейшему камчатского этнолога-просветителя, заслуженного деятеля культуры Татьяну Петровну Луканшину. В кружке, которым она руководила, Гиль впервые увидел, как танцуют и поют в азиатском этнографическом ансамбле, какая свобода движений, какой ритм! Такими, когда-то в этом поселке собирались на смотри танцевально-песенные ансамбли, знакомые с ними Ленинградская преподавательница Татьяна Федоровна Петрова-Бытова.

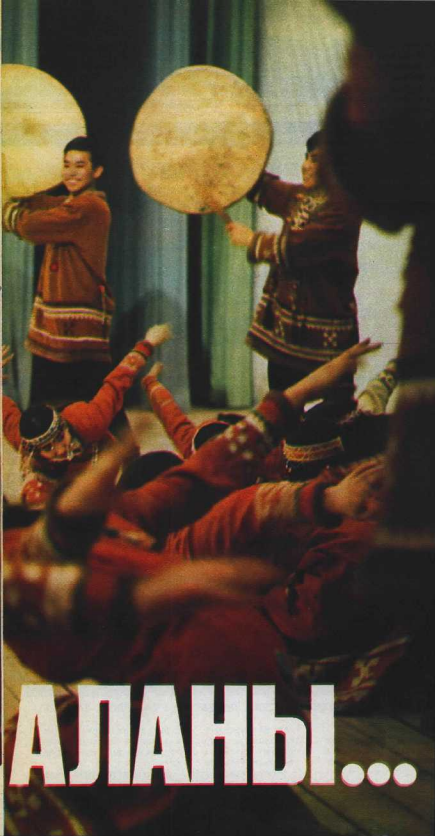
— Я потом много ездил по поселкам, отбирал кандидатов в ансамбль, — продолжает Саша свой рассказ. — Именно тогда я понял: главное — не отрываться от национальной почвы. Первая наша программа состояла из танцевальных номеров. Потом мы решили взять за балет национального содержания. Им стал «Мэнго», который мы исполнили под аккомпанемент бубнов и народных напевов. С тех пор наш ансамбль, так и называется — «Мэнго».

А что означает это слово? — Имя девочки... Затем с помощью нашего камчатского композитора Бориса Гофмана поставили второй балет — «Элэм Кутл». Музыку для него Гофман создал на основе народных мотивов, записанных известным собирателем камчатского фольклора Георгием Поротовым.

Да, за эти годы у «Мэнго» накопился весомый «багаж»: семь лет выступлений, концертов, гастролей. А ребята стали настоящими артистами. Вот Иван Кирилл — подержанно элентный, сдержанный, четкий. Ната Урманча, стройная и легкая зенка, влюбленная в искусство, которая пришла в ансамбль, еще учась в восьмом классе паланской школы. Тера Кета — ведущая солистка ансамбля, ее вдохновенно, поэтически танцу адиловировал Париж. Отличным солистом стал Борис Жирков. Он, кстати сказать, еще и художник. Яркое раскрылся дарование Данила Яганова. В жизни это тихий, скромный парень. На сцене же — Ойе, национальный герой. Коля Лазарев, Люда Ованди, Ана Юсусгина, Саша Мохнаткин, Иосиф Жуков, Пьетя Яганов, сестры Люда и Рая Липатовы — все они, ветераны-этнографы, космополиты и бескорыстные энтузиасты, мыслят своей жизнью без «Мэнго». Семь лет — это уже история. Ансамбль не просто пользуется успе-

самбль, — продолжает Саша свой рассказ. — Именно тогда я понял: главное — не отрываться от национальной почвы. Первая наша программа состояла из танцевальных номеров. Потом мы решили взять за балет национального содержания. Им стал «Мэнго», который мы исполнили под аккомпанемент бубнов и народных напевов. С тех пор наш ансамбль, так и называется — «Мэнго».

АЛАНЫ...

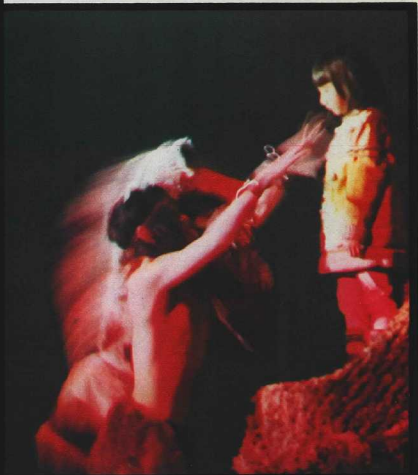

СОЛИСТКА АНСАМБЛЯ КАТЯ УРЕЛАДИН.
СЦЕНЫ ИЗ БАЛЕТА «МЭНГО».

хом, он стал самым любимым танцевальным коллективом на огромном полуострове. Корэки и чучки, ньмыланы и ительмены всегда с радостью встречают «Мэнго» в своих поселках. Каждое выступление ансамбля — это праздник красок, музыки и танцевального мастерства. Не случайно во многих районах полуострова родились по примеру «Мэнго» новые самостоятельные ансамбли, в исполненные мэноговцами танцы стали «законодателями моды» на клубных сценах. Ансамбль уже вернулся домой, на

Камчатку, когда стало известно, что «Мэнго» — один из победителей Всесоюзного фестиваля — в составе советской делегации отправляется на Всемирный фестиваль демократической молодежи в Берлине.

Думаю, что корякский ансамбль будет понят и принят посланцами молодежи всего мира, потому что творчество артистов «Мэнго» современно и самобытно, их восприятие мира радостно и многогранно, потому что сердца мэноговцев бьются в ритме нашего времени, радостно и уверенно.

В ПОИСКАХ

Эдуард РОЗЕНТАЛЬ

ФРАНЦИЯ. АПРЕЛЬ. ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ РАБОТНИК, СТУДЕНТЫ, УЧАЩИЕСЯ ЛИЦЕЕВ.

В Женеве ломали кафе «Ландольт, что в двух шагах от университета. Основную кавендурю кафе составляло студенчество, и поэтому хозяйка пригласила студентов отпраздновать закрытие кафе. За это счит. Студенты в ответ выдвинули требование: помимо бесплатного пива, разрешение бить пивные кружки. Варезеги. После некоторого раздумья хозяйка согласилась. Он расстула: чем больше шуму, тем сильнее реклама. К тому же на месте старого он решил строить новое кафе-модерн и со студентами конфликтовать не хотел. Хотя и осуждал их за то, что вечно они что-то требуют и ставят условия.

КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

...Дым стоял коромыслом. По массивным дубовым столам текло пиво. Под бивал усеяв осколками битых кружек. Под сводами звучал слог старших студенческих песен. Пивные больше не от вынужденного, а от злых воспоминаний. Вспомнил студентский май 1968 года, баррикады Латинского квартала, факелы подожженных машин. Пили за грядущий «Май». Один из особо завысивших клеветников взгромоздился на стол и, перерывая гам, надменно доказывал, что еще студент Гамлет поставил перед студенчеством вопрос ребром. И чеканил английские слова:

— To be or not to be. That is the question. — Быть или не быть — вот в чем вопрос.

Мой спутник Марсель Перикар, который участвовал в майских событиях 1968 года в Париже, пел, пил молча. Он не вмешивался в общую дискуссию и только время от времени негромко вторил англичанину:

— Быть или не быть, быть или не быть... Потом мы долго сидели вдвоем на скамейке Университетского парка у стены Реформации и говорили о проблемах студенчества. Марсель давно пытался разобраться в этих проблемах, а я — узнать его мнение о них.

— Ты спрашиваешь, что я чувствовал в те дни? — Марсель задушевно тер лоб, как будто хотел разгадать морщинки. — Тогда это было чувство спального праздника, необыкновенного прилива сил. Нам казалось, что мы все можем. И мы считали себя настоящими революционерами.

— Ну, а теперь? — Теперь я воспринимаю май шестидесят третьего как спойловый утар. Мы выдвигали лозунги, беспорядочно дискутировали. Но никто не имел истинного представления о происходящем. Рыжий Дани — так мы звали нашего вожака Кон-Бендита — призывал протестовать против всего. Неважно, где и как. Он убеждал, что важен сам акт протеста. Сартр публично поддержал Дани, и это было для нас убедительно...

И слушал рассказ Марселя и мысленно представляла себе толпу студентов со сжатыми кулаками и пылающими от восторга глазами. Претворяла политическим злодеем и университет, они пели «Интернационал». Марсель тоже пел. Но нет абсолютной детали: как и многие другие его товарищи, он пел по бумажке.

В семье Перикара, инженера с достоинством, протестарской темой не был в почете. Обучаться революционной грамоте приходилось на ходу.

Вместе с Марселем строили баррикады и швыряли тухлые яйца в полицейские дружки деги адвокатов, учителей, врачей, инженеров. Они составляли костяк движения. И автомобилем поджи-

вали, как правило, те, кто сам их имел. Многие сепаратно не могли тогда понять этого парадоксального явления и объясняли его тем, что студенты просто бьются за жиру.

Между тем причинами студенческого бунта, охватившего в конце 60-х годов Соединенные Штаты, Японию, Францию, ФГР и другие развитые страны капитализма, были куда сложнее. Они коренились (и коренятся сегодня) в самой реальной действительности западного общества, и прежде всего в особенности его экономического развития. Успехи научно-технической революции последнего десятилетия привели к небывалому росту престижа науки, техники и знания вообще. Наука все больше включалась в процессы производства и сама превращалась в непосредственное производительное силу. Вместе с ростом новых материальных и духовных потребностей общества бистрой темпами росло число работников интеллектуального труда. Только в период с 1954 по 1962 год во Франции количество инженеров и высших технических кадров возросло на 44 процента, преподавателей и медицинского персонала — на 32 процента, представителей науки и литературы — на 56 процентов. Соответственно возросла и численность студенчества. Со 150 тысяч в 1954 году до полутора миллиона в 1968 году. Сегодня студентов 800 тысяч. Подобная динамика характерна для всех развитых стран Запады.

Но вот парадокс: рост престижа знания и численности его носителей не сопровождался ростом престижа самого интеллектуального труда. Напротив. Инженеры, преподаватели, врачи, юристы в основной своей массе утратили за эти годы ореол профессиональной исключительности и попалили ряды армии наемного труда. В 1968 году 56,6 процента французских инженеров и высшего техни-

ческого персонала, занятых в промышленности и на транспорте, работал по найму.

Двадцатидвулетний ученик улицы Марсель Перикар мечтает стать инженером. Таким же увлеченным и пылким является и его отец, двадцатидвулетний студент Марсель обнаружил, что его отец сам превратился в маленького беззастенчивый вникать огромного бюрократического механизма.

Было время, когда университетский диплом автоматически распахивал двери общества, открывала радужные перспективы. Сегодня он дает право участвовать в красивых похвалах за более или менее сплавляемое местоимение. Не больше.

Отец Марселя тоже опущен все растущее беспокойство и недовольство. Однако, обремененный положением и семьей, он смирился с превратностями судьбы. И, вдобавок, грустит от ушедших добрых времен. Для Марселя гибель жизненного идеала выливается в настоящую трагедию. В знак протеста он водилась баррикады в Латинском квартале и идею «Интернационала». Пусть она началась по бумажке.

ВО ВЛАСТИ УТОПИИ

Пролетаризация интеллектуального труда была одной из основных причин недавних студенческих бунтов. Однако причиной послужило, идеологическая осознания. Не будучи достаточно самостоятельно понять глубинных основ своего недовольства — они коренились в конечном итоге в процессе прямого вхождения интеллигенции в конфликт между трудом и капиталом — студенты обращая свой протест против большого общества потребления, выступали с требованием абстрактных свобод.

Особенно явными были и четкого плана борьбы, студенческое движение пошло во власть демонтов. На стенах Сорбоннского университета появилась лозунг «Творческое воображение — к власти!». Порою вымывались за дурное дело. Оди из лидеров французских студентов с гордостью заявил, что «социальное положение студентов позволяло им подняться над экономикой и проводить в жизнь экзистенциалистские требования».

«Экзистенциалистская революция» противопоставляла рабочему движению, которое якобы неспособно подняться выше материальных требований. В этом темнее содержалось обвинение в адрес французского пролетариата, поддержавшего в мае/июне 1968 года мощным студенческим движением выступления студентов, но вследствие большей политической отчужденности не подававшего им провозглашения коммунистических лозунгов, которые могли сыграть на руку только реакции.

Уход студенческого движения в область «высокой» интеллектуальной сферы пошел с выбором идеологического перекрестка в направлении осуждения и в выборе противника. Поскольку центр борьбы переносился в область экономики в область культуры вообще, то основной ареной сражения лозунгов становился университет, а главной революционной силой — студенты. Не случайно в старых студенческих альманахов Сорбонна называлась новая Петроградская Советом, бродягосменом «Триумфом», красным каблуком и красной шапкой слова Ленина, говорил об университете как о наиболее сильном звене капитализма.

Упомынутый выше Кон-Бендид выдвинул следующую стратегическую задачу современной интеллигентского обществу. Средство достижения цели — «овладение знанием», но иерархия в распределении знания затрудняет всеобщее руководство экономикой общества. В таких условиях, доступ рабочему классу широкого доступа к знаниям, то у последнего закрепляется чувство некомпетентности и бессилия, и это, как следствие, приводит к его иерархической власти. В таких условиях, утверждал Кон-Бендид, «революционные студенты способны сыграть главную роль в битве. Эффективным поворотом является то, чтобы превратить критический университет в подлинно народный».

Рассказывают, что еще до майских событий Кон-Бендид в знак протеста против того или иного лекционного курса громко куракала во время занятий, а в свободные дни демонстративно ссылались, прерывал заседания, в течение часа мчался «ме-е-е». В знак протеста против университетских авторитетов. Подобные действия студенты пытались перенести, и вплоть до победоносных промышленных протестов. Некоторые молодые рабочие,шедшие у них на поводу, улаживали вследа директору или ведущему инженеру. В результате революционная тактика поменялась мелкобуржуазными скандалами.

Если же говорить об аспекте идеологической, то проведение основного рубежа классовой борьбы между студентами и университетской администрацией означает, что система и характер обучения зависят от изменения объективной действительности, а сама эта действительность ставится в зависимость от изменения системы обучения. Неудача буржуазной педагогической администрации, тем не система и характер обучения зависят от изменения объективной действительности, а сама эта действительность ставится в зависимость от изменения системы обучения.

Плохою буржуазной педагогической администрации, тем не система и характер обучения зависят от изменения объективной действительности, а сама эта действительность ставится в зависимость от изменения системы обучения. Неудача буржуазной педагогической администрации, тем не система и характер обучения зависят от изменения объективной действительности, а сама эта действительность ставится в зависимость от изменения системы обучения.

Таким образом, критику буржуазного строя студенты осуществляли с помощью средств буржуазной же идеологии. Ничего удивительного. Легче порвать с буржуа-родителями, чем с буржуазной идеологией родителей. С идеологией, которая обивается в головах тем же университетом. По своему социальному положению, условиям быта и труда студентство подвержено влиянию индивидуальной мелкобуржуазной психологии. Отсюда наклонность к анархизму, отрицанию политической организации и дисциплины, свобода. Кон-Бендид, например, писал: «Сила нашего движения состоит в том, что оно основывается на неконтролируемой спонтанности». Отсюда же «экстремистские требования». Все это, впрочем, и есть следствие, порождение, результат комбинирования от бурной активности и оптимизма к пассивности и отчаянию, когда обнаруживается, что конечных целей невозможно достичь одним путем.

И это случилось в конце 60-х — начале 70-х годов, когда произошел отход части студентства от политической активности к аполитичности, от борьбы с божеством Фетишем к фестивалю, от бурных митингов к мочальному созерцанию, от лозунгов революционного насилия к проповедям христианского всепрощения.

БРУНО ДИТЕР ПРОТИВ ВНУТРЕННЕГО ПОТОК

С. Джордж Фуртвингль я познакомился на одной из центральных улиц Женевы. Бритоголовый, с одной-единственной прядью волос, свисающей с макушки, в оранжевой тоге и в синяках по всему телу, он призывал проложить повсюду жизни, изучая заветы бога Кришны, обучать плотские страсти и сосредоточить энергию духа на познании высшего существа.

Заключив разговоры и песнопения, Джордж собрал жемчужное полюдие, полученное от бога Кришну от зевая, и отправился в перушкину на окраине города, где ему разрешил пожить несколько дней. По дороге он рассказал о себе. Это был человек, членом и привника к одной из неохристианских сект. Странновато по миру. В Индии знакомился с учением Кришны и, оставив Христа, стал адептом иудейского бога. Продолжил путь в религиозно-философских поисках, то в мистических коммунах. В теплую погоду — просто под звездным небом.

Встает в 4 часа утра, и, приняв душ или облившись холодной водой, выполняет благодарственную молитву в честь Кришны, потом переходит к упражнению Бахти-Йога и заканчивает трудовое утро к 8 часам чтения иудейского священного

писания. Если дело происходит в коммуне, то после восьми Джордж помогает по хозяйству, убирает дом, стирает белье, за что получает еду. В последние дни старается читать проповеди на улицах и площадях.

Вновь и вновь воскалывает бога Кришну, который вернул ему душевное равновесие. И призывает других так стараться. Забыть распри и обиды внутренней войны.

...Бруно Дитер против внутреннего покоя. Он студент Лозаннского университета. Вызвалכת «Капитал» и тоже считает, что нашла свой жизненный идеал.

Как-то осенью прошлого года мы встретились на улице, и еще до того, как Бруно заговорил, я пока, что он чем-то изволнован. Радостно извонован. Бруно вытаращил глаза за паузу сложной новояз «Трибуна де Лозанн».

«Ты читал? Я читал. Речь шла об анкетном опросе лицетов старших классов и студентов города Цюрих. В результате этого опроса выяснилось, что из политической литературы больше всего они читают Маркса и Ленина.

Бруно не мог успокоиться: «Бруно не мог успокоиться! Ведь Цюрих — это не Женева, не Лозанна и даже не Базель. Вот тебе и консерваторы!

Сам Бруно входит в группу студентов, требующих включения в программу Лозаннского университета обязательного курса марксистской философии. Он еще не коммунист, хотя открыто и гордостью именует себя марксистом.

Тернист и сложен путь нынешней молодежи Запада к индивидуальности. Из митингов Цюрих в этом году. Как отмечает Ашши, молодежь «то необходимости вынуждена приблизиться к социализму, и не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отец».

Нормальное положение интеллигенции Запада не могли не отразиться на студенчестве, «самой отчаянной», по выражению Ленина, ее части. Сложность этого положения порождает всевозможные поиски и разнообразие путей движения. Но студенчество продолжает поиски, и в этом главное. Ибо только в практической борьбе, на собственном опыте возможно исправление ошибок в провозглашенных истинах.

9 апреля этого года было 300 тысяч рабочих, студентов и учащихся школ вышли на улицы Парижа, Ливона, Страсбура и других крупных городов Франции. Вышли, чтобы совместно протестовать против правительственной мероприятий, ущемляющих права студентов и учащихся алгебры.

«Это становится серьезным», — писала на следующий день правая парижская газета «Фронт». О том, что это действительно серьезно, свидетельствуют слова студентов — участников демонстрации.

Жан-Пьер: Средна нас нет учителя, которые хотели бы контролировать 1968 год. Мы их сегодня не желаем даже слышать...»

Катрин: Наша сила в том, что мы выступаем в одних рядах с рабочим классом...»

Паскаль: Рабочие — это очень хорошие люди, другой их поддержка — решающий залог успеха...»

Луиз: Нынешняя наша борьба — это подготовка к будущей. На заводах и в бюро, куда они приходят по окончании университета, нам придется столкнуться с серьезными вещами. К борьбе надо готовиться уже сейчас...»

Студенческая жизнь коротка. Всего пять лет. Но это очень серьезный отрезок жизненного пути. Это период становления политического самосознания юноши или девушки, стоящих на пороге самостоятельной трудовой деятельности.

Быть или не быть? Присоединиться к обществу эксплуататоров и верно служить капиталу? Отвернуться от общества и служить богу Кришны и прочим фетишам? Или вместе с рабочим классом и коммунистической партией бороться против всех видов экономической эксплуатации, за демократию и социализм?

Вот в чем вопрос.

Рисунок Константина МОШКИНА

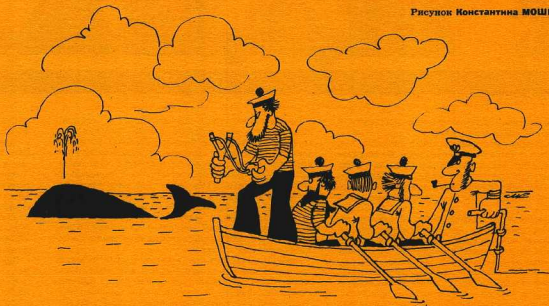

Рисунок Чарно БЕРЕЗНИЦАСА

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

Рисовал Андрей НЕКРАСОВА

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, Москва, А-15,
Будянный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 4/VI 1973 г. А 03325. Подписано и печати 22/VI 1973 г. Формат 70 × 106/4.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1448. Заказ № 720.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВЕЩАЮЩИЙ МИР

Слова Леонида ДЕРБЕНЕВА

Музыка Георгия ПОДЭЛЬСКОГО

Пусть миру тысяч лет,—
Нам солнце дарит свой свет.
Вновь зеленеют луга,
Вновь звенят снега!

Привес:

Для тех, кто молод, как мы с тобой,
Распахнул мир молодой!
Встанут рассветы,
Шумят моря,
И сил полны ты и я,
Ты и я,
И тебе эта песня моя!

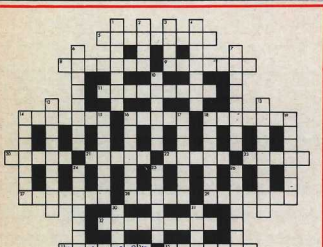
Ночь от осенней зари
Прочь убежит с землы.
Даль и светла и чиста,
Как моя мечта!

Привес.

День занимается вновь,
И не стареет любовь!
Все это нам подарил
Вечно юный мир!

Привес.

ПОДЭЛЬСКО. J. 152

КРОССВОРД

Составил Г. Покровский, г. Чебоксары

По горизонтали:

- Южное декоративное растение.
- Синий продукт, используемый в технике и медицине.
- Слоуптанная игра.
- Государство в Южной Америке.
- Легкоатлетический снаряд для метания.
- Лабораторный сосуд.
- Древнегреческая история.
- Судостроительное предприятие.
- Шерстяная пряжа.
- Общая растения.
- Опера С. В. Рахманинова.
- Молодой продукт.
- Рена в Польше.
- Часть света.
- Опера П. И. Чайковского.
- Юрист.
- Горючее для реактивных двигателей.
- Итальянский дирижер.

По вертикали:

- Стеклообразный слой на мезантинном изделе.
- Морская рыба.
- Площадка для боя.
- Клавирный инструмент.
- Вещество, имеющее форму многогранника.
- Государство на Балканском полуострове.
- Метод научного исследования.
- Спортивный бегун на длинные дистанции.
- Система политическая, философская, нравственных взглядов.
- Планист, лауреат Ленинской премии.
- Город на юго-востоке США.
- Обезьяна.
- Ориентация в Южной Америке.
- Русский писатель XIX века.
- Морская птица.
- Виртуозная музыкальная пьеса.
- Специальный инструмент космонавта.
- Чилинский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Русский сдунглытор.
- Бумажный десятизначный знак.
- Основатель первой белорусской топографии.
- Метрическая единица в музыке.
- Шахматная фигура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 13

По горизонтали:

- Вендишав.
- Полливинна.
- Агага.
- Чугун.
- Сайлн.
- Фальдино.
- Партизан.
- Физика.
- Столон.
- Замбия.
- Спринтер.
- «Юлиана».
- Каленч.
- «Юлишка».
- Теринс.
- Ваткин.
- Барбер.
- Ваткин.
- Чайка.
- Армия.
- Новохорен.
- Раскольник.
- Эвандилит.

По вертикали:

- Ориентация.
- Февраль.
- Ротор.
- Сирнус.
- Вестин.
- Белла.
- Барсетус.
- Поругуалля.
- Клайбеда.
- Вогатенира.
- Круверштер.
- Стрелок.
- Молтон.
- Лайта.
- Мидар.
- Мадагаскар.
- Бубейнов.
- «Дистогонь».
- Бриутек.
- Марсель.
- Бролли.
- Стефина.
- Вольф.
- Зелга.

